

Ольга Юрьевна Степнова

Щит и меч Венеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165907
Ольга Степнова. *Щит и меч Венеры*: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22812-6

Аннотация

Если вам хочется оттянуться со сладким мальчиком, но боязно прогневать законного супруга, обращайтесь в агентство «Алиби»! Профессионалы помогут доказать, что вы не вылезали из... дома престарелых, развлекая одиноких старичков песнями и плясками. Константин Жуль – автор самых оригинальных бизнес-проектов и хозяин «Алиби» – обеспечит программкой благотворительного вечера и пачкой восторженных отзывов. Гениально, просто, прибыльно. С хваткой Костика и очарованием его помощницы Аси подобные дела должны идти пучком. Только ведь проект новый, наработок нет, вот и мрут клиенты, как мухи, один за другим...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

48

Ольга Степнова

Щит и меч Венеры (Девушки, на абордаж!)

Абордаж – способ ведения боя гребными и парусными судами; сцепление атакующего корабля с неприятельским с целью его захвата в рукопашном бою.

Военно-морской словарь

Скука, скука и скука.

У кого что на работе, а у меня смертная скука.

Единственное, чем я себя развлекаю – подслушиваю телефонные разговоры шефа.

Раньше я шарф вязала, но когда его длина достигла периметра приемной, помноженного на два, с этим делом я... завязала. И теперь скрашиваю рабочие дни тем, что торчу под дверью начальника, припав к ней ухом.

Скажете – пошло?!

Ничуть.

То, чем занимается наше агентство, не вписывается ни в какие нормы морали, так почему я должна грузиться шатко-призрачными понятиями «хорошо» или «плохо»?

Наше агентство фабрикует алиби.

Да, да, именно фабрикует, и именно алиби. Ничего криминального – просто если вы захотите сходить налево, мой шеф – Константин Жуль, предложит сотни вариантов, как доказать вашей супруге или супругу, что вы не валялись в чужой койке, а были, например, на важной деловой встрече, или с друзьями на рыбалке, или вообще находились в командировке.

Кошмар, да?

А теперь подумайте сами, что в сравнении с этим мои маленькие шалости с подслушиванием.

Слава богу, жители нашего города оказались не настолько испорчены, как предполагал господин Жуль, поэтому услугами «Алиби» они пользуются крайне редко. Вернее, если быть точной, они ими вообще не пользуются. В месяц к нам заглядывает пара клиентов, оба из которых путают услуги нашего «предприятия» или с услугами частного венеролога, или с ремонтной конторой, или с детективным агентством, или со школой танцев, или с бюро находок, или с наркологической клиникой, или с интим-салонem, или... Одно время я даже записывала, с чем путают наше агентство и списки, развлечения ради, подсовывала Жулю. Константин морщился, комкал бумагу и, бросая ее под стол, говорил: «Отсталый народ. Во всем мире такие агентства имеют своих клиентов. И мы будем иметь! Вот подожди, еще прочухают, что это такое, отбоя не будет!»

– Да уж, – под нос бормотала я, подбирая бумагу с пола, – и прочухают, и будем иметь... мы их, они нас...

Работает «Алиби» уже восемь месяцев и не прогорело до сих пор лишь потому, что у Жуля денег – немеренно. Они достались ему по наследству от тетки, и он смело тратит их на самые модные и нетривиальные направления в бизнесе.

Но любые деньги имеют обыкновение заканчиваться, если не преумножают сами себя. Это и мышке понятно. Только господин Жуль не желает с этим считаться. Он с упорством маньяка с восьми утра до десяти вечера ждет своего «золотого» клиента.

Спросите, почему я не плюну на все и не найду другую работу?

Дело в том, что я безумно и, увы, безответно, влюблена в своего шефа.

* * *

Скука начиналась с утра.

Как только я приходила в приемную, бросала сумку на стол, расчесывала перед зеркалом длинные волосы, так скука и начиналась.

Смертная!

Кроме меня и шефа в конторе сидит еще Нарайян – программист, который в случае необходимости должен взять на себя обязанности дизайнера: смонтировать на компьютере поддельные фотографии, фальшивые бланки, пригласительные билеты, абонементы или еще что-нибудь в этом роде. Но поскольку необходимости такой ни разу еще не возникло, Нара ведет распрекрасную жизнь: он сутками сидит в Интернете, курит, пьет кока-колу из банок, лопает чипсы и вовремя получает неплохую зарплату. При этом у него есть отдельный кабинетик – маленький, но с дорогой мебелью, хорошей техникой и кондиционером. Я даже не знаю, Нарайян – его настоящее имя, или так называемый «ник». По-моему, шеф тоже не знает этого. Возраст у нашего программиста-дизайнера трудноопределимый – то ли двадцать, то ли тридцать, то ли все пятьдесят. Он молчалив, носит рваные джинсы, бейсболку, майку с принтом Б.Г.¹ и кеды, за которыми вечно тянутся развязанные шнурки. В ушах у Нары постоянно торчат наушники, на поясе висит плеер и по многозначительности, застывшей у него на лице, я нисколько не сомневаюсь, что слушает он тоже Б.Г. Домой Нарайян уходит лишь для того, чтобы принять душ и покормить черепаху.

Нара не трогает нас, мы не трогаем Нару. Если учесть, что Жуль регулярно платит зарплату (и себе тоже), то о лучшей «работе» мечтать не приходится.

Только мухи, залетающие в наш офис, не проживают и получаса. Они засыпают, а потом и вовседохнут от скуки. Я беру дастер и заметаю их под стол, на котором стоят факс, ксерокс и принтер. Хоть какое-то применение офисной технике...

* * *

Я пришла на работу, кинула сумку на стол, причесалась у зеркала и... заняла привычное место под дверь у шефа. Обычно я просто стою, приложив ухо к двери, но сегодня присела на корточки и, привалившись плечом к косяку, стала пилить ногти.

Минут пять за дверью была тишина.

Потом началось:

– Мам? Да, я уже на работе. Да, все замечательно, от клиентов отбоя нет, запарки страшные. Да, мамуль, я хорошо позавтракал. Конечно, овсянкой, конечно, грейпфрутовым соком. Нет, кофе не пил. Что я, дурак, сердце садить и вымывать из организма драгоценнейший калий?! И зарядку я сделал. Да, и приседания, и отжимания, и обнимания... да, обливания. Мам, у меня клиент, я не могу разговаривать. Да есть у меня и чистые рубашки, и чистые носки, и целые трусы! Не надо ко мне заезжать, не надо ко мне заглядывать, мама!! Нет, я не вожу домой женщин, я имею их в продезинфицированном больничном боксе под приглядом опытного врача, я одеваю по три презерватива сразу, мама, а потом немедленно обследуюсь на инфекции!! Нет, я не ерничаю. Все, мама, у меня вторая линия, извини...

И облегченное:

– Фу-у-у-у-у!

¹ Б.Г. – Борис Гребенщиков, поэт, композитор, бессменный лидер группы «Аквариум»

Шеф всегда разговаривал по мобильному, поэтому подслушивать его на параллельном телефоне не было никакой возможности – только под дверью.

Разговор с мамой как всегда закончился традиционным крещендо.

Потом последовала минутная пауза и:

– Натусь? Привет. Замотался вчера, извини, вот и не позвонил. Работы невпроворот! Клиенты штабелями под дверью лежат. Нет, и сегодня я не смогу, и сегодня я страшно занят. Нет, Натусь, я не избегаю тебя, да, тебе это только кажется. У меня еще мама приболела, так я с работы с лекарствами к ней в больницу лечу. Еще с недельку такая канитель продлится. Извини, маленький. Нет, не надо ко мне приезжать! Да никого я себе не завел! Да, я ем твои шанежки, пользуюсь твоим одеколоном, ношу твой оранжевый галстук и мою ноги на ночь твоим абрикосовым скрабом. Натусь, у меня вторая линия, извини... Фу-у-у-у-у!!!

Последнее было сказано уже в отключенную трубку.

Сидеть на корточках мне стало не очень удобно, и я устроилась на полу, прислонившись спиной к двери. Шансов, что кто-то застанет меня в такой позе, не было никаких: уборщица убиралась тут раз в неделю и то в шесть утра, Нара безвылазно сидел в кабинете, странным образом не выходя даже в туалет, а шеф... шеф мог развлекать себя разговорами по мобильнику до конца рабочего дня.

– Здорово, Егор! Как смотришь на то, чтоб вечером завалиться в «Три голодных кой-ота», выпить пивка, приобщиться к стриптизу и сыграть в бильярд? Отлично. Устроит. Заметано. Ладно, потом можно и в сауну, черт с тобой, можно и девочек. Я плачу. Ну, пока, ну, до вечера!

– Здравствуйте, а можно Алену? Это врач женской консультации. Нет, ничего страшного, просто хочу пригласить Колесникову на плановый осмотр. Вы мама? Нет, не волнуйтесь, у вас здоровая, красивая, сексуальная дочь. При чем тут сексуальная? Да, действительно... Это, видите ли, профессиональный взгляд на проблему – больной человек не может быть красивым и сексуальным. Да, мой профессионализм делает меня иногда очень двусмысленным и немного циничным. Ах, Алены нет дома?! Жаль, жаль, я очень хотел бы ее осмотреть... Нет!! Вам не надо ко мне приходить! Вы мне не подходите! То есть, – я же не ваш врач! Ну и что, что участок один, ну и что, что вы тоже очень красивая и сексуальная... Господи, как вы можете посылать меня туда, где я, собственно, и работаю? Вы очень грубая мама. Я и слов-то таких не знаю... Пожалуй, я не буду осматривать вашу Алену, пусть ее другой врач лечит. Фу-у-у-у! – традиционным выдохом уже не в эфир закончил нелегкий разговор Константин Жуль.

– Ну и ну! – сам себе сказал шеф.

Боже мой, в кого я влюбилась?!

В франта, бабника, вруна, позера, шута, пустышку, павиана, глупца, красавчика, маменькиного сыночка, козла редкого... Фу-у-у-у!

Я отбросила пилку для ногтей под стол с ксероксом, факсом и принтером, в компанию кдохлым мухам. Шеф за дверью продолжал себя развлекать.

– Андрюха, привет! Как делишки, старик? И у меня все отлично. Во всех смыслах, старик. Бабы рвут на части, бизнес идет в гору, здоровье тьфу, тьфу, тьфу! Мама да, мамуля меня достала, но на то она и мама, старик, чтоб доставать. Я люблю ее и стараюсь ей не перечить. А помнишь, как мы с тобой написали Егору на машине сзади «Меня не догонит только козел!» Ха-ха-ха!!! А он потом мне звонит и удивленно так говорит: «Слушай, что это на дорогах сегодня творится? Все гоняют как сумасшедшие, подрезают, сигналият, а, обгоняя, неприличные жесты показывают?» А я ему: «Не знаю, Егор, я нормально отъездил, никто мне ничего не показывал». Ха-ха! А помнишь, как ты буфетчицу в институте доводил? Она тебе банку томатного сока продает, а ты своими железными пальчиками незаметно крышку

отогнешь и ей возвращаешь – вскрытая банка! Она другую тебе подает, ты опять – вскрытая банка! И так все банки с прилавка...

Каюсь, на этом месте я задремала. Такое случилось со мной впервые, видимо, меня укачало от бесконечных «а помнишь».

Проснулась я оттого, что ввалилась в кабинет шефа. Дверь, не выдержав моего веса, распахнулась, и я оказалась на синем ковролине на четвереньках, «нос к носу» с благородными ботинками шефа.

К такому конфузу я была не готова. Я быстро одернула юбку и пригладила волосы.

– Ась, ты чего? – с ноткой сочувствия спросил шеф.

– Шла, споткнулась, упала... – не нашла ничего лучшего ответить я, потирая ушибленное плечо.

Шеф помог мне подняться.

– А почему ты заспанная такая? – белозубо улыбнулся начальник.

– Видите ли, Константин Эдуардович, обстановка в нашем агентстве не располагает к бодрому расположению духа. Скучно, видите ли, работы-то нет!

Сказав это, я тотчас же пожалела. А вдруг Жуль немедленно уволит меня? Вдруг осознает бесполезность затрат на мою зарплату, аренду этого помещения, уплату налогов, взятки пожарным и прочие радости, преследующие любого предпринимателя, как блохи бездомных собак? Нет, пусть уж самое бесполезное в мире агентство «Алиби» существует. Я готова сутками кемарить в приемной, лишь бы Константин Жуль был рядом.

Но зря я испугалась. Жуль откинулся на спинку шикарного кожаного кресла и предложил:

– Ась, давай покумекаем, почему у нас нет клиентов.

Раз в неделю Константин приглашал меня в свой кабинет «покумекать» на предмет причины отсутствия у нас клиентов. Это была единственная возможность побыть наедине с шефом, поэтому я с энтузиазмом принималась «кумекать».

– А рекламы-то нет! – воскликнула я, глядя в фантастически-зеленые глаза Жуля. – Как ни крути, а без рекламы о нашем «Алиби» никто не узнает!

Жуль наморщил высокий лоб, давая понять, что аргумент этот весьма заезженный и повторялся мной не один раз.

– Аська, ну сколько раз можно говорить, что ни на телевидении, ни в глянце, ни в газетах, ни тем более на рекламных щитах рекламу такой деятельности, как наша, давать нельзя! Ну не принято это!

– Где не принято? – в сотый раз спросила я у него.

– В мировой практике, где же еще! Только через Интернет! Ты изменила тексты объявлений, которые мы размещаем в сети?

– Ну да, – проямлила я, рассматривая свои идеальной формы коленки. И почему Жуль не замечает, какой они идеальной формы?.. – Я написала, что мы «профессионалы легальной лжи»! Я уточнила, что наши услуги незаменимы для ловеласов, авантюристов и просто лентяев! Если вы хотите скрыть измену, мы за приемлемую цену предоставим подложный телефонный номер, по которому вашу жену заверят, что в данный момент вы тягаете штангу в спортзале, находитесь в парилке с друзьями, плаваете в бассейне или выступаете с докладом на конференции, поэтому подойти к телефону не можете. Или, чуть за большую цену, мы организуем конференц-связь с вами – перекинем звонок на ваш мобильный – и ваша супруга убедится, что вы не врете, и действительно находитесь по указанному вами стационарному телефону где-нибудь в серьезном месте. Я написала, что если вы решили развлечься и слетать с любовницей в теплые страны, мы можем предоставить билеты в тот город, в который вы, якобы, уехали в срочную командировку. Жене вы сможете показать свои фотографии на фоне достопримечательностей этого города, сувениры, и даже газеты этого города с датами

выхода тех дней, которые вы провели в этой «командировке». Я объяснила, что даже если у вас нет любовницы, вы примерный семьянин, но любите иногда прогулять работу, мы за небольшую плату предоставим вашему начальству доказательства, что вы лежали в больнице или навещали внезапно заболевшую матушку. А если вдруг вы общественное лицо, а в вашей биографии есть нелицеприятные факты, нам ничего не стоит вымарать их из вашего прошлого так, что комар носа не подточит и ни один журналист не докопается до истины... Да, еще я написала, что если вы одинокая бизнес-леди с ребенком, то для общественных выходов мы предоставим вам представительного «временного папу». Я написала, что с нами работают опытные психологи, специалисты по пиару, артисты, режиссеры, сценаристы и даже частные детективы. Я написала, что «делать факты» – наша работа.

– Отлично, Аська! Ты молодец. – Жуль шумно потер ладони и потянулся, закинув руки за голову. – Скоро от клиентов отбоя не будет! В нашем городе таких услуг еще нет. Я первый ринулся осваивать это дело! Про артистов и сценаристов ты придумала здорово! А если будет надобность в режиссуре, я уверен, ты отлично справишься с этой задачей, хоть всего лишь и секретарша.

– Справлюсь, – кивнула я.

За восемь месяцев, что я здесь работаю, мне не пришлось ответить ни на один телефонный звонок. Что уж там говорить о других обязанностях! Я успею состариться, пока дойдет до этого дело. Моя цель пребывания в этом агентстве одна – намозолить глаза Константину Жулю до такой степени, чтоб ему ничего не осталось делать, как жениться на мне.

– Ась, ты почему грустная?

– Я не грустная, Константин Эдуардович, я задумчивая. Думаю, чем бы еще завлечь клиентов в наше агентство. Может, все же повесим на входную дверь вывеску «Агентство „Алиби“»? Ведь вывеска – не рекламный щит и не реклама в газете, но внимание все-таки привлечет. Возможно, среди жильцов дома, в котором мы снимаем наш офис и которые снуют мимо нашей двери каждый день, найдется пара-тройка авантюристов, ловеласов и просто лентяев, готовых купить себе алиби?

– Уговорила. Закажи табличку в рекламном агентстве.

– Зачем тратиться? Возьму картон, гуашь, и сама нарисую. Вот увидите, будет лучше заказанной.

– Басова, ты гениальный работник! Пожалуй, прибавлю тебе пару тысяч к зарплате.

Он опять потянулся – светловолосый, зеленоглазый, высокий, широкоплечий, с гладковыбритым, свежим, красивым лицом. В отличие от Нарайяна, возраст Жуля «до тридцати» читался во всем – в глазах, светящихся щенячьим восторгом, в манере носить пиджак исключительно нараспашку, без галстука, с расстегнутой рубашкой, неприлично обнажающей загорелую грудь, в порывистой непоследовательности, с которой он менял свои «деловые» решения, в неприспособленности к начальственному статусу и постоянные «сбои» в отношениях с подчиненными на панибратские «Аська» и «Нара». У него были замашки плейбоя, и мне казалось тем более странным, что за все время моей работы с ним он ни разу не попытался использовать свою секретаршу по прямому, так сказать, назначению. И ладно я была бы какой-нибудь мымрой, а ведь я...

– Ась, ты что-то паршиво сегодня выглядишь. Иди домой, отдохни. Возьми деньги в сейфе, купи бумагу и краски, вывеску нарисуешь дома. Я жду тебя завтра с утра.

Я встала и пошла к двери.

– У тебя на колготках затяжка, – весело сообщил мне вслед Константин Жуль.

* * *

В туалетной комнате я прорыдалась, умылась и снова накрашилась.

На стене висело большое зеркало и то, что в нем отражалось, мне нравилось. Впрочем, длинноногие блондинки с кукольным личиком, большими голубыми глазами, ярким пухлым ртом и прямыми светлыми волосами до пояса нравятся всем.

Внешность Барби не помешала мне получить высшее педагогическое образование и помогла завоевать титул «Мисс Россия-2004» на конкурсе красоты. Только Константин Жуль не знает ни о моем высшем образовании, ни о том, что я «мисс». Для него я обычная секретарша, которая отчего-то сегодня «паршиво выглядит» и у которой «на колготках затяжка».

Я опять разрыдалась, смывая слезами тушь для ресниц.

Дело в том, что на улице стояла тридцатиградусная жара, и на мне не было никаких колготок.

* * *

Остаток дня я убила на вывеску.

Купила краску, картон и, прикусив губу от старания, красным готическим шрифтом вывела: «Агентство „Алиби“, часы работы с 8.00 до 22.00»

Почему я выбрала именно готический шрифт, и сама не знаю, наверное, мне хотелось благородством и изысканностью вывески приукрасить неблагоприятность услуг, предлагаемых нашим агентством. Надеюсь, мои художества произведут на Жуля большее впечатление, чем я сама.

Летний день угасал за окном. Идти куда не хотелось. Я вышла на балкон и стала наблюдать за тем, что происходит на улице.

Я живу как раз напротив жилого дома, на втором этаже которого расположен наш офис. Из моих окон хорошо видны окна работы. Я взяла зеркальце и начала пускать солнечный зайчик, целясь туда, где по моим расчетам должен сидеть господин Жуль. Прошла минута, а может – две, прежде чем жалюзи на окне, которое я атаковала, резко закрылись.

Как всегда, Константин Жуль не поинтересовался, кто с ним заигрывает. Как всегда, он просто перекрыл путь моему зайчику. Как всегда, он даже не вспомнил, что мой балкон находится напротив его окна.

Я запустила зайца в другое окно – туда, где сидел Нарайян. Через секунду окно открылось, и мне погрозил кулак.

Я вздохнула и отложила зеркало.

Три года назад мои родители уехали работать по контракту в Бразилию и оставили мне роскошную трехкомнатную квартиру в центре города, на улице Патриотической.

Я люблю эту улицу. Несмотря на все урбанистические прелести, которыми эта улица изобилует.

Внизу, прямо под моим балконом проходит трамвайная линия. Когда мимо идет трамвай, дом трясется и содрогается, на кухне звенит посуда, люстра на потолке вибрирует, а рыбки в аквариуме забиваются в угол. Грохот стоит такой, что закладывает уши. Трамваи ходят с перерывом в пять-десять минут, поэтому, чтобы жить в этом доме, нужно иметь либо многолетнюю привычку, либо полное отсутствие слуха и нервов. Иногда к трамвайному грохоту присоединяется гул взлетающих самолетов – недалеко от центра находится городской аэропорт. И если трамваи перестают ходить после полуночи, то на самолеты это правило не распространяется.

Кроме трамваев по проспекту несется неиссякаемый автомобильный поток.

А так как улица Патриотическая метрах в пятидесяти от моего дома неумолимо пересекается с улицей Театральной, то все прелести шумного перекрестка мне хорошо знакомы. Начиная с шести утра пробки на светофоре сопровождаются истерическими гудками машин, сизым маревом выхлопа, воплями гаишников в «говорильники».

Конечно, улица Патриотическая – это не только машины, трамваи и самолеты. Это прежде всего люди, люди и люди, спешащим, бурлящим потоком несущиеся куда-то. Поток ослабляет напор только к позднему вечеру, а утром опять набирает силу.

Несмотря ни на что, я люблю свою улицу. Так любят близкого родственника, несмотря на то, что он беден, болен, некрасив и слегка истеричен...

Кроме того, у моей улицы есть масса достоинств. Во-первых, она достаточно зеленая. И хоть основную часть зелени обеспечивают старые тополя, которые невыносимо цветут, заваливая улицу сугробами белого пуха, все равно они создают уют и иллюзию близости природы. Во-вторых, все жизненно необходимые точки находятся рядом. При необходимости можно всю жизнь прожить, не покидая пределов Патриотической улицы.

Внизу, например, прямо под моей квартирой, на первом этаже, находится булочная. Это замечательная булочная, с незатейливым названием «Горячий хлеб». Магнетизм этого названия понимаешь, когда два раза в сутки – в три часа дня и в три часа ночи, – в магазин приезжает фура со свежим хлебом. Тогда в моей квартире стоит такой запах, что... хочется немедленно бежать вниз, купить булку горячего хлеба и съесть его просто так, без всего, всухомятку, наплевав на калории и фигуру.

Рядом с булочной расположен салон красоты. Называется он «Нифертити» – именно так, через букву «и» в первом слове. Сколько лет я хожу в него, но так и не могу выяснить, просто ли это ошибка, или есть в этом неправильном написании некий гламурный, изысканный смысл.

Галерею «полезных дверей» продолжает аптека. «Здоровья желаем!» выведено неонам на вывеске и я никогда не могла понять, то ли это название аптеки, то ли бодрящая социальная реклама. Возле аптеки с утра до вечера сидит нищий. Все местные знают, что зовут его Толя Журавель и живет он в нашем квартале. Я всегда думала, что Журавель – это прозвище, данное нищему из-за отсутствия правой ноги, но недавно местная сплетница Клара Сергеевна сказала, что это его настоящая фамилия. Я всегда подаю Толе, и Клара Сергеевна подает, и прохожие подают, особенно те, кто неподалеку живут, потому что знают – Толя деньги не пропивает, а содержит на них престарелую маму. Вечером Журавель вытряхивает из картонной коробки мелочь, рассовывает ее по карманам, подхватывает костыли и ковыляет сначала в аптеку – за лекарствами, потом в булочную – за хлебом. Когда он появился у этой аптеки, я и не помню; по-моему, мне было лет пять, а Толя уже сидел на крылечке с картонной коробкой. Правда, раньше он играл на баяне, но баян, говорят, украли, а на новый Толе денег никогда не собрать. Где и как Журавель потерял ногу, не знает даже Клара Сергеевна.

Совсем недавно маленькой достопримечательностью нашей улицы стал открывшийся банк «Патриот». «Патриот» на Патриотической – по-моему, звучит очень красиво и... патриотично. Я ни разу не воспользовалась услугами этого банка, а вот господин Жуль мигом доверил все свои капиталы милому, уютному «Патриоту», где всех клиентов знали в лицо и непременно предлагали выпить чашечку кофе.

Бойкое место на улице Патриотической – кафе «Три толстяка». Это демократичное заведение с демократичными ценами и демократичным незамысловатым меню. В народе кафе прозвали «Три поросенка», его посещают и тинэйджеры, и пенсионеры; спешащие служащие забегают сюда выпить чашку кофе, а влюбленные парочки часами сидят под вынесенными на улицу тентами, прячась от жары и глаза на суетливую городскую жизнь. Я тоже частенько захожу в это кафе. Покупаю большую чашку американо, кусок шоколадного торта и... жалею, жалею себя, что я такая молодая, красивая, умная и одинокая.

Конечно, в моей жизни периодически случаются «ухажеры», как называет их вездесущая Клара Сергеевна, но, как правило, это богатые папики с пузцами, толстыми кошельками и лысыми. Завоевав в 2004 году титул первой красавицы страны, я вдруг обнаружила, что нормальным, веселым, сильным парням «мисс» не нужны. Общепризнанная красота дей-

ствуется на них, как пугало на ворон. Они предпочитают нетитулованных девчонок, пусть и с худшими внешними данными. А вот папиков хлебом не корми, дай засветиться с какой-нибудь мисс. Я их гоню, толстеньких, вместе с их букетами, конфетами, кредитками, связями и выгодными предложениями. И не потому, что мне нужен только Константин Жуль, а потому что мне не нужны ни кредитки, ни связи, у меня все в этой жизни есть – молодость, красота, здоровье, квартира, образование и ... призрачная надежда, что когда-нибудь господин Жуль посмотрит на меня другими глазами. Я живу этой надеждой, лелею ее, она кажется мне смыслом и стимулом моего легкого, безоблачного существования.

Завоевав два года назад титул «мисс», я поняла, что от него больше мороки и неприятностей, чем ожидаемых привилегий и почестей. Не вынеся долго публичности, я отгородилась от мира, перестала давать интервью, отказалась от массы выгодных контрактов и предложений, и зажила в своем маленьком, обособленном, уютном мирке, со своей странной, безответной любовью, на своей с детства любимой улице Патриотической. Уже год, как я не выезжаю за пределы этой улицы, несмотря на то, что у меня есть красный «Фольксваген», который пылится перед домом на автомобильной стоянке.

Мне здесь хорошо и спокойно, спокойно и хорошо и, пожалуй, я единственная женщина в мире, променявшая титул красавицы на должность секретарши агентства, которое никому не нужно.

«Цок, цок, цок», – нарастал непривычный для городского шума цокот подков оп асфальту. Он приближался, с каждой минутой становился все веселей.

– Привет, Бубон! – крикнула я, перегнувшись через перила балкона.

Внизу, по пешеходной дорожке, неспешно продвигалась повозка, забитая до отказа детьми. Она была украшена разноцветными воздушными шариками, бумажными гирляндами и еще какой-то невероятно-яркой ерундой. Тащил повозку старый, каурый конь, на шее которого тихо бренчал колокольчик. На козлах сидел рыжий клоун, с круглым красным носом, в берете с помпончиком, в невообразимо-розовых шароварах и зеленой рубашке с манишкой. На лице у клоуна сияла нарисованная красной краской улыбка.

– Привет, мисс Вселенная! – подняв голову, заорал клоун. – Как дела у красавицы?

– Отлично! – как обычно, ответила я.

Конь, звеня колокольчиком, упрямо тащил повозку по привычному, заученному маршруту – до светофора на перекрестке, потом направо, по улице Театральной, и снова направо, на Патриотическую. Маршрут назывался «окружная» и для всех желающих прокатиться на повозке в сопровождении клоуна, стоил десять рублей. Желающими в основном оказывались дети, причем, если десяти рублей у них не было, они все равно набивались в повозку, и все равно Бубон возил их в «окружную».

– Ты знаешь, что стала еще красивей? – Бубон помахал мне беретом с помпончиком. Нарисованная улыбка дрогнула у него на лице и расплзлась так, что кончики красных губ достигли ушей.

– Знаю! Только мне это ни к чему!

– Врешь! Любая девушка мечтает быть миской, но не у всех это получается!! – Бубон зажмурился, из глаз у него хлынули две струи искусственных слез. Затем он выхватил из широкого рукава букет пластиковых цветов и помахал им в воздухе.

Дети за его спиной дружно захохотали и, тыкая в меня пальцами, заорали:

– Миска!! Миска!! На балконе повисла!

Я скорчила деткам гримасу.

Повозка с мерным цокотом удалялась от моего балкона.

– Что, работы невпроворот? – крикнула я Бубону.

– Как видишь! – кивнул Бубон на детей. – Корчагин уже еле ноги таскает. Но-о, Корчагин, но-о! Пше-о-л веселей! – подхлестнул он коня, но тот и ухом не повел, шел размеренно и степенно.

Я помахала Бубону рукой. Клоун отвязал от повозки розовый шарик и отпустил его в небо. Шарик пролетел мимо меня, я попыталась схватить его, но у меня ничего не вышло. Он взмыл в небо, а детки, заметив мой казус, дружно захохотали. Пришлось показать им язык.

Я не знаю настоящего имени Бубона, не знаю, старый он или молодой, не имею представления, как выглядит клоун без грима. Живет он где-то недалеко, в частном секторе. Зарабатывает на жизнь Бубон только тем, что катает народ на своей повозке и развлекает клоунскими штучками. Когда детское время заканчивается, к нему частенько подсаживаются влюбленные парочки, или подвыпившие компании. Однажды Бубона чуть не убили. Какие-то пьяные уроды решили его ограбить. Они ударили клоуна по голове, забрали у него деньги, выкинули из повозки и, хлестая Корчагина, угнали его в неизвестном направлении, если только про коня так можно сказать – «угнали». Бубон две недели провалялся в больнице с сотрясением мозга, Корчагин вернулся домой через три дня, подавленный и исхудавший. Повозки при нем не было. Бубон потом долго мастерил новую из старых досок и колес, найденных на городских свалках. С тех пор клоун выезжает на работу только с деревянной дубинкой. Он называет ее «угощение» и прячет в укромном местечке, под своим сиденьем.

Когда Бубон отдыхает, одному богу известно. Я привыкла засыпать под цокот копыт Корчагина и просыпаться под него рано-рано, когда улица еще спит. Я жизни своей не могу представить без этого цокота, который эхом подхватывает ночная улица, без тихого, то приближающегося, то удаляющегося звона колокольчика и без песни, которую распевает Бубон:

– Путешествует по миру
Одиноким пилигрим,
И, терзая мандолину,
Напевает себе гимн:
«Миромirroу, миромirroу,
Я для всех неуловим,
Миромirroу, миромirroу,
Я – счастливый пилигрим...»

* * *

Ночью опять заиграл рояль.

Я проснулась, натянула на голову одеяло и постаралась заснуть.

Рояль мне достался в наследство от бабушки. Она была талантливейшей пианисткой, много концертировала и мечтала, чтобы я пошла по ее стопам. Но с музыкой у меня не сложилось, дальше этюдов Черни дело не двинулось, и рояль остался стоять в квартире деталью изысканного интерьера.

Первый раз он заиграл через неделю после того, как мои родители уехали в длительную командировку. Я проснулась среди ночи от того, что кто-то неумело и вразнобой перебирал клавиши. От ужаса я не смогла даже заорать. Объяснение напрашивалось только одно – в квартиру забрался чокнутый вор, который, поняв, что рояль с собой не унести, решил побренчать на нем. Я не рискнула ни кричать, ни звонить в милицию, просто залезла под кровать и протряслась там до утра. Но утром я поняла, что в квартире никого не было. Окна были плотно закрыты, цепочка на двери не тронута, ничего не пропало и вообще, – никаких следов чужого пребывания в доме. А главное – пыль на крышке рояля красноречиво утверждала, что ее давным-давно никто не открывал.

Тогда я уговорила себя, что мне все приснилось.

Но следующей ночью рояль опять заиграл. И снова – словно маленький ребенок тыкал беспомощным пальчиком в клавиши. Я дала себе волю и прооралась. Рояль затих и больше в эту ночь не играл.

Три ночи я спала спокойно.

На четвертую – рояль довольно уверенно исполнил короткую джазовую композицию. Я не стала орать, а схватила с тумбочки увесистого бронзового орла, на цыпочках прокралась в гостиную и, резко включив свет, запустила статуэтку по направлению звука.

Орел ткнулся бронзовым носом в противоположную стенку и, оставив в обоях выбоину, с грохотом упал на пол.

В комнате никого не было, рояль молчал, а со старой афиши, украшавшей проем между окнами, на меня укоризненно смотрела молодая, красивая, с высокой прической из гладких черных волос, моя бабушка. «Мариэтта Евграфова – великолепная исполнительница русской классики» – было написано на афише.

– Если это ты шалишь, бабуль, то шали, когда я на работе, – пробормотала я, рассматривая слой пыли на черной крышке.

Наверное, у меня крыша поехала, потому что вдруг показалось, что бабка на афише удивленно приподняла брови.

Пересилив свой ужас, я пальцем нарисовала на пыльной поверхности крышки скрипичный ключ. Этот ключ благополучно просуществовал неделю, пока его не накрыл новый слой пыли. Всю неделю, каждую ночь, рояль брэнчал, бормотал, стонал, наигрывал и издевательски весело тренькал. У бабки на афише сохранялся недоумевающий вид, из чего мне нужно было сделать вывод, что она здесь ни при чем.

Я сходила к врачу, проверилась на вменяемость и начала пить успокаивающие таблетки.

Рояль замолчал, но всего на тринадцать дней. На четырнадцатый он сбацал нечто невероятное, от чего соседи возмущенно заколотили в стенку.

Тогда я объявила роялю войну.

Привела священника, чтобы он освятил углы. Написала заявление в милицию, чтобы они «приняли меры». Переставила мебель в квартире.

Рояль продолжал играть.

Я отдала приличную сумму лучшему в городе магу, чтобы он пассами и заклинаниями изгнал из рояля бесов.

Рояль продолжал играть.

Я устроила засаду с фонариком и баллончиком слезоточивого газа.

Рояль подождал, когда я засну и ... заиграл.

Я поставила ему бутылку шампанского, бутерброды с икрой, нарезку из сервелата, семги и осетра.

Рояль продолжал играть.

Я заменила шампанское на коньяк, икру на шоколад, сервелат на креветки.

Роль продолжал играть!

– Тогда я тебя продам, – мстительно сказала я инструменту.

Бабка на афише нахмурилась, но я сделала вид, что не заметила этого.

Покупатели нашлись быстро. Пока они искали, на чем перевезти инструмент, я вдруг поняла, что не смогу жить без этого ночного бормотания клавиш, как не могу жить без цокота копыт за окном, без странной песенки Бубона, без регулярно заполняющего квартиру запаха горячего хлеба, без трамвайного грохота, без гула взлетающих самолетов, без тополиного пуха и прелестей шумного перекрестка...

Я расторгла сделку, чем очень расстроила покупателей.

Но чтобы последнее слово осталось за мной, я протерла черного паршивца от пыли и перекрасила в оранжевый цвет.

По-моему, пока я ползала вокруг рояля с кисточкой и ведром краски, бабка ухохатывалась на афише.

Теперь это бесценный рояль. Он ярко-оранжевый и играет сам по себе. Он будит меня, когда ему заблагорассудится, и молчит, когда мне не спится, и я умоляю его поиграть. Я абсолютно уверена, такого рояля ни у кого нет.

Быть может, когда-нибудь, я тоже оставлю его в наследство своей внучке.

* * *

Утром, прежде чем пойти на работу, я заглянула в салон красоты.

– Сделай из меня что-нибудь среднестатистическое, – попросила я своего мастера, усаживаясь в кресло.

– В смысле? – не поняла Марина.

– Ну, обчехрыжь волосы, покрась их в какой-нибудь серый цвет, а макияж сделай такой... такой... чтобы Катя Пушкарева рядом со мной красоткой казалась.

– Ты головой ударилась? – удивилась Марина.

– Нет, я голову берегу. Стриги!

Марина взяла мои густые волосы в горсть и, пропустив между пальцев, сказала:

– Ася, я не собираюсь потакать тебе в пессимизме. Если у тебя на данный момент все в жизни хреново, это не означает, что так будет всегда и что в честь этого нужно уродоваться. Давай отложим твоё решение на недельку? А сегодня я сделаю тебе тонизирующую масочку, легкий массажик и этим мы ограничимся. А если через неделю твой порыв не пройдет, так и быть, сделаю из тебя Фредди Крюгера. Но учти, возьму очень дорого, так дорого, что у тебя скорей всего и не хватит.

Я глянула в зеркало на свою хмурую физиономию и кивнула.

– Ладно, уговорила. Давай масочку, давай массажик. А в серый цвет через неделю, – сглотнула я подступившие слезы.

– Эх, Аська, мне бы твои проблемы! – вздохнула Марина, укладывая меня на стол и разводя в склянках какие-то профессиональные препараты. – С жиру ты бесишься, ну ей-богу! Вот посмотри на меня: вес сто двадцать, рост тоже сто двадцать, возраст опять же – практически сто двадцать. Детей иметь не могу, так как моя медицинская карта толще и занятнее детективов Донцовой всех вместе взятых. И что?! Все равно мужика себе нашла. Живем уже десять лет, он на руках меня носит, грыжу нажил, а носит! Черт его подери!! – Марина обмазала мне лицо какой-то липкой, вонючей массой. – А ты?! – продолжила она. – Ну какие такие у тебя беды, что ты хочешь краситься в серый цвет?

– У меня рояль по ночам играет, – еле шевеля губами, пожаловалась я.

– Тьфу! Рояль у нее играет! Он у тебя уже два года играет, а изуродоваться ты решила только сегодня. Ой, чует мое сердце, мужик в твоих страданиях замешан, а никакой не рояль. – Марина глянула на часы, засекая пятнадцать минут, нужные для действия маски.

– Он, сволочь, сказал, что у меня на колготках затяжка, – неожиданно призналась я ей в причине своей депрессии.

Марина замерла и уставилась на меня сверху.

– А на мне и колготок-то не было! – выкрикнула я, чувствуя, как слезы пробивают дорожки в маске.

Неожиданно в моей сумке запиликал мобильник. Марина без церемоний достала его и, включив, приложила к моему уху.

– Да, – вяло откликнулась я. Звонить в это время мне имела обыкновение только Кирка, подружка, которая торчала по утрам в пробках по дороге на работу.

– Басова! – гаркнул в трубке голос Константина Жуля. – Ты почему не на рабочем месте?

– Я... Константин Эдуардович, до начала рабочего дня еще полчаса, я зашла тут в одно интимное место...

– Аська! – сбавив начальственный гонор, весело заорал господин Жуль. – Аська, у нас первый клиент!! Я только что по электронной почте получил от него запрос, мы созвонились, и он через десять минут будет здесь, у нас! Аська! Давай, немедленно выбирайся из своего интимного места и дуй на работу! Нару, как назло, черт унес кормить черепаху, тебя нет, я один – это несерьезно!! Тебе пять секунд на дорогу!

Я вскочила со стола, схватила сумку и ринулась к двери.

– Маска! – крикнула мне вслед Марина. – Маску сотри, а то в психушку загребут! И помни, если на тебе нет колготок, а мужик говорит, что на них затяжка, значит, ты ему нравишься и он «дергает тебя за косички»!..

* * *

Машины бесконечным потоком неслись по улице, не давая мне перейти дорогу. От нетерпения я приплясывала и постукивала ногой. Можно было рискнуть броситься наперерез транспорту, но подвергать свою жизнь опасности в триумфальный момент появления в нашем агентстве первого клиента мне не хотелось.

– Тпр-р-ру! – послышалось сзади.

Оглянувшись, я увидела Корчагина и восседавшего на козлах Бубона.

Повозка была пустой.

– Бубон, миленький, я тебе двести рублей заплачу, перевези меня на ту сторону! Машины тебя всегда пропускают, а мне на работу позарез надо!

– Ой!! – закатил нарисованные глаза клоун. – Что у тебя с лицом? Конкурентки постарались?

Я заскочила в повозку.

– Маска! Для красоты в «Нифертити» сделала, а смыть не успела. Гони, Бубон, миленький. Но-о! – крикнула я Корчагину.

– Пошел! – Бубон подхлестнул коня и направил его наперерез движению. Все машины и даже трамвай уважительно притормозили, давая расписной повозке пересечь улицу. Не нашлось ни одного недовольного, который бы сигналом поторопил клоуна, сквозь лобовые стекла я видела, как водители улыбались и приветственно махали нам рукой.

– Держи! – из широких клоунских штанов Бубон достал носовой платок и кинул его мне. – Вытри лицо, а то отбираешь у меня кусок хлеба! Все смеются над тобой, а не надо мной! Знаешь, какого цвета у тебя физиономия?

– Черная, – посмотрела я на платок, которым вытерла лицо.

– Верно. Эх, Аська, ты красавица даже с черной рожей! – Бубон выхватил из кармана губную гармошку и сыграл на ней «Симона, девушка моей мечты». Пока он играл, мы оказались на той стороне улицы.

– Аська, а ведь ты никогда в жизни на работу не торопилась!

– Клиент, Бубон! Представляешь, у нас появился первый клиент! – Я выскочила из повозки и достала кошелек.

– Неужели в городе нашелся паршивец, готовый платить за фальшивое алиби? – удивился клоун.

– Нашелся. – Я засмеялась и протянула ему двести рублей.

– Держи! – он забрал деньги и протянул мне желтый воздушный шарик. – Удачи тебе, мисс Вселенная!

Я побежала в подъезд.

* * *

– Леш, привет! – крикнула я на бегу Чесалову.

Чесалов сидел в коридоре на одном из пластиковых стульчиков, предназначенных для больных, и смачно курил, зажав в толстых пальцах тоненькую сигарету.

Чесалов был зубной врач, он арендовал комнату под стоматологический кабинет, которая находилась напротив нашего офиса. Несмотря на внешность мясника, Леша слыл хорошим врачом, и частенько в коридоре к нему сидела очередь из страдающих, держащихся за щеку людей. Свой кабинет Чесалов назвал «Зуб дарю!». Наверное, Леша думал соригинальничать, но кто-то решил подшутить, стер на вывеске букву «р», подставил впереди «в» и получилось устрашающее «В зуб даю!». Учитывая двухметровый рост Леши, огромный живот, толстые красные щеки, маленькие прищуренные глазки и вечно засученные рукава не слишком белого халата, шутка удалась, и парочка клиентов на моих глазах удирали от Чесалова вниз по лестнице. Чесалов, хохоча, догонял их и орал, что он самый добрый, самый замечательный, а главное – самый дешевый доктор на свете.

Во всяком случае, Леша оценил чей-то черный юмор, вывеску менять не стал и развлекался тем, что, высываясь из кабинета со зверской гримасой, грозно спрашивал: «Эй, кто там следующий?». Но как только больной оказывался в кресле, Леша становился душкой, улюлюкал, сюсюкал, лечил хорошо и не больно. В отличие от агентства «Алиби», стоматологический кабинет «В зуб даю!» имел много постоянных клиентов.

– Стой! – Чесалов схватил меня за руку. – Аська, что за хрень? С утра зуб полечить некому. – Спросил он меня.

– Зато у нас ... – я осеклась. Мне пришла в голову мысль, что наш первый клиент не обрадуется, если о его визите будет хоть кто-то знать, пусть даже и добрейший зубной врач Леша Чесалов.

– Да ты что?! – удивился Чесалов. – А ты направь его ко мне опосля вас! У любого приличного человека всегда есть, что во рту расковырять. Я инструментики новые прикупил, опробовать надо... – Он отобрал у меня шарик и привязал к ручке своей двери. – Ась, ну какая же ты красивая! – без всякого перехода воскликнул Леша и, обращаясь почему-то к желтому шарiku, предложил: – Может, пойдешь за меня замуж? У меня ведь только сегодня клиентов нет, а так я парень востребованный, душевный, посуду сам за собой мою...

– Пойду, Леш, – засмеялась я, открывая дверь в агентство. – Только в следующей жизни.

– Вот так всегда! – объявил Чесалов воздушному шарiku. – Все хорошее – в следующей жизни. Э-эх!!

* * *

– Басова! Басова! – Константин метался в приемной, бегая из угла в угол.

Таким я его первый раз видела – волосы растрепаны, рубашка застегнута на все пуговицы, а на шее неумелым узлом завязан сиреневый галстук. – Басова, ты чего в коридоре зависла? – Жуль запустил пятерню в волосы и попытался пригладить их.

– Да вот, Чесалов замуж позвал, – ответила я, бросая сумку на стол.

Может, у Жуля, как у всякого нормального мужика, проснется чувство соперничества и он попытается доказать Чесалову, что ловить ему нечего?..

– Аська, на столе пыль, на подоконнике пыль, а вот здесь... под столом, мертвые мухи! – Шеф низко наклонился и застыл, разглядывая кучкудохлых мух под столом. – Нарайян, как назло, еще вчера вечером ушел кормить свою черепаху и до сих пор не вернулся! Сейчас придет клиент, а в конторе никого нет!! Никого! Только замученный делами начальник и эти... – Он показал на мух, разогнулся и уставился на меня. Его взгляд красноречиво вопрошал: «За что я вам деньги плачу?»

– Я пришла вовремя, – пожала плечами я и, постучав по наручным часам, напомнила: – До начала рабочего дня еще десять минут.

– Ась, Ась, ну это же порнография! Ну какие к черту десять минут? Ну есть работа – работаем, нет работы – гуляем! Ну разве задумывался я когда-нибудь платить вам или не платить, если работы ни фига нет, а? Задумывался?

По-хорошему, следовало сказать: «Я больше у вас не работаю», развернуться и уйти, хлопнув дверью. Но я достала из сумки вывеску, взяла кнопки и, подняв гордо голову, пошла к двери.

Жуль аллюром шел где-то сбоку и чуть позади.

– Ась, ну извини, – пробормотал шеф, когда я с остервенением начала вдавливать кнопки и дверь. – Насчет порнографии я того... идиот. Распсиховался просто. Ты должна меня понимать. Первый клиент! Восемь месяцев ждал! Почти как ребенка. – Он засмеялся. – Прости, а?!

Я отрешенно кивнула.

Понимаю. Прощаю. Первый клиент, как никак. А я – так, какая-то мисс, какой-то там всей России, и гожусь только на то, чтобы рисовать и крепить таблички.

– Ась, ну и за пыль, ты, конечно, не отвечаешь, и мухи не в твоей компетенции и вообще, цвет лица у тебя сегодня такой замечательный!

Я снова кивнула, прошла за свой стол и зачем-то включила компьютер, неведь зачем тут стоявший.

Жуль смотрел на меня услужливо-вопросительно, словно не я у него была секретаршей, а он у меня.

– А вы уверены, Константин Эдуардович, что он придет?

Шеф схватился за голову. Покраснел, потом побледнел. Открыл рот, хотел что-то сказать, но не смог, махнул рукой, мол, будь что будет.

Сказать ему, что ли, что я Мисс Россия-2004?

Я было открыла рот...

И тут он пришел.

Наш первый клиент.

* * *

Он был маленький, щупленький, с пшеничного цвета усами, чересчур пышными для его габаритов.

Глупая широкополая шляпа из желтой соломы скрывала его лицо. Костюмчик был, правда, льняной, дорогой и сильно помятый, как и подобает быть льняному, дорогому костюму.

Жуль мгновенно сменил маску смятения на лицо делового и чрезвычайно занятого человека.

– Ася Борисовна, два кофе, пожалуйста, – небрежно бросил он мне и указал клиенту на дверь своего кабинета. Клиент нырнул туда с проворностью мыши, скрывающейся от кошки. Я успела заметить только его льняную измятую спину и подметки ботинок.

Кофе! Хорошенькое заявление. Где я его возьму? Я кофе пила в «Трех поросятах», Нара употреблял только колу, а Жуль... Что, где и когда пил Жуль, я не знала, во всяком случае приготовить кофе он меня никогда не просил.

Я пожала плечами и заняла излюбленную позицию у закрытого кабинета шефа, приложив ухо к двери.

– Я правильно понял, ваше агентство фабрикует алиби? – спросил довольно противный фальцет, показавшейся мне отчего-то знакомым.

– Пожалуй, вы будете первым, кто правильно это понял, – ответил приятный баритон шефа. – Правда, я не стал бы употреблять слово «фабрикует». Я сказал бы – «организовывает».

– Извините, – пробормотал фальцет, – ну да, конечно, организовывает. Видите ли... – Клиент замолчал.

– Я слушаю вас, не стесняйтесь, – мягко и убедительно, словно врач-венеролог, произнес господин Жуль. – Не бойтесь обозначить свою проблему. Мы работаем анонимно, вам вовсе не обязательно называть свое настоящее имя. Кстати, у вас ус отклеился.

– Э-э-э... – последовала заминка, видимо, клиент приклеивал ус. – Э-э-э... – попытался продолжить он свое повествование.

– Вы хотите скрыть от жены свои маленькие похождения на сторону? С удовольствием поможем вам сохранить семью! – Жуль сбился на пошлый зазывной тон рекламных девочек, проводящих в магазинах презентации новых товаров. – Что пожелаете? Подставной телефонный номер? Ваша жена позвонит по указанному вами стационарному телефону, допустим, это будет спортзал, в котором вы тренируетесь, а моя секретарша ответит, что да, это именно спортзал, но вы сейчас в душе и не можете подойти к телефону. Или можно купить месячный абонемент на конференц-связь. Если ваша жена захочет проверить, правда ли вы находитесь в том месте, которое ей назвали и позвонит по стационарному телефону, то моя секретарша мигом перекинёт звонок жены на ваш мобильный. Комар носа не подточит! Жена будет звонить по городскому номеру, и разговаривать с вами, не подозревая, что вы говорите с мобильного и вовсе не из того места, куда она звонит! А?! Как вариант? Или, например, вы говорите ей, что поехали на рыбалку, а сами бежите по девочкам. Так вот, мы предоставим в доказательство вашей жене и мокрую одежду, пропахшую костром, и рыболовные снасти, испачканные илом, и улов живой рыбы, и даже фото с рыба...

– Заткнитесь! – невежливо перебил фальцет воодушевленное тарыхтение Жуля. – Простите за резкость. Волнуюсь. Вы тут несете всякую чушь про рыбалку и обманутую жену. Если бы мне понадобилось надуть супругу, я не стал бы платить за это. Да я вообще не женат! Мне нужно, чтобы определенные люди, в определенное время застали меня в постели с самой красивой женщиной нашей страны...

Шеф закашлялся.

Фальцет замолчал.

– Отлично, – наконец, не очень уверенно произнес господин Жуль. – Отлично, если, конечно, вы знаете эту самую красивую женщину нашей страны. Нам останется только разыскать ее и уговорить участвовать в нашем мероприятии. – Он снова сильно закашлялся, видимо от понимания полного идиотизма того, что он нес.

– Эта женщина работает у вас! – Фальцет как будто бы искренне удивился, что Жуль не знает такого общеизвестного факта.

– Да? – глупо удивился господин Жуль. – И кто же это?

– Ваша секретарша!

– Да?!

Не сказать, чтобы я испытала триумф. Скорее, я испытала шок.

– Я хочу, чтобы пятнадцатого июня, в семнадцать часов дня трое моих друзей застали меня с вашей секретаршей... то есть с самой красивой женщиной страны в номере люкс частной гостиницы «Апофеоз». Мы должны лежать с ней в постели и пить шампанское. Это и будет мое алиби. Я хорошо за него заплачу. Простите, но мне не хотелось бы уточнять, зачем это надо. Скажу только, что ничего криминального.

– Извините, но мы не салон интимных услуг, – твердо сказал Константин Жуль. – Мне кажется, вы обращаетесь не по адресу. – Послышался звук отодвигаемого кресла, видимо, Константин встал, показывая клиенту, что разговор закончен.

Я мысленно сказала шефу спасибо. Я простила ему стрелку на колготках.

– Вы неправильно меня поняли, – мягко возразил фальцет, и я услышала, как шеф с готовностью придвигает кресло обратно. – Речь не идет об интиме! Я пальцем не дотронулся до секретарши! В конце концов, она может даже не раздеваться до конца, просто лечь со мной рядом в легком халатике. Я даю слово, что не буду к ней прикасаться. Я даю слово, что побрею подмышки, почищу зубы, и буду хорошо пахнуть.

Послышались звуки сморкания, и я не могла бы поставить и дохлую муху, что это сморкается не Константин Жуль.

– Я хорошо заплачу, – закончил свой монолог фальцет.

Повисла минутная пауза. Было слышно, как жужжит и бьется в окно полусонная муха.

Мне стало нехорошо. Что ответит господин Жуль на предложение за хорошие деньги подложить меня в постель к этому таракану? Откажет своему первому «золотому» клиенту? Представляю, чего это будет ему стоить...

Шеф снова начал кашлять как старый туберкулезник.

– Это очень странное предложение, – выдавил он сквозь кашель. – Я буду вынужден сказать вам «нет». Да, я буду вынужден вам сказать это! – твердо повторил он.

– Я очень хорошо заплачу!! – с ноткой истеризма воскликнул фальцет. – Вы не представляете, как я хорошо заплачу! Вашей секретарше ничего не грозит! Я подмышки побрею, зубы почищу, я пальцем ее не коснусь... только бокал шампанского в руки дам!

– Не-ет! – взвыл Константин Жуль.

Я распахнула ногой дверь.

– Я согласна! Только никаких фотографий и видеосъемки. Составьте подробный контракт, Константин Эдуардович, пусть он его подпишет, – я указала на клиента.

– Отлично! – потер руки таракан с накладными усами и жадно осмотрел меня с головы до ног из-под полей своей шляпы.

– Ась, – растерянно пробормотал Константин Жуль, – ты хорошо подумала?

– Нет, я вообще не подумала. Но не упускать же нам первого клиента.

– Тогда вот, – Жуль придвинул ко мне по столу бумажку, где была написана пятизначная сумма с значком доллара на конце. – Ты получишь половину от этих денег.

Я плохо рассмотрела сумму, только кивнула и вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь.

Они там посовещались еще минут десять, и клиент покинул агентство, мелькнув мятой спиной и подметками ботинок.

– Ася, – подошел ко мне Константин Жуль. – Подслушивать нехорошо. Я выглядел полным идиотом, когда ты с самоотверженно-героическим видом ввалилась в кабинет и с пафосом заорала: «Я согласна!».

– Вы выглядели полным идиотом, Константин Эдуардович, когда безостановочно кашляли и пискляво орали «Нет!». Лучше бы спасибо сказали. Дело сдвинулось, наконец, с мертвой точки и у нас появилась работа.

– Спасибо, Ась! Но согласись, деньги хорошие и... работа непыльная – выпить бокал шампанского под одеялом с вполне приличным дядькой, который, кстати, побреется, надует и зубы по...

Я смахнула со стола пластмассовую подставку для карандашей и ручек. Подставка раскололась на две части, карандаши и ручки покатались по полу в разные стороны. Жуль покраснел как рак и бросился подбирать все с пола.

– Ну извини, Ася, если я некорректно выразился, ну ты же сама согласилась!

Интересно, почему Константин не спрашивает, отчего наш первый клиент называет меня первой красавицей страны? Жулю это не интересно, Жуль все-таки знает о моем титуле, или Жуль просто не заметил, что меня так называли?

Сказать ему, что ли, что я Мисс Россия – 2004?..

– Ты не беспокойся, в гостиницу с тобой пойдет Нара. Он снимет соседний номер. Я дам ему пистолет.

– Нет, – отрезала я, запуская пасьянс в компьютере.

– Да! Ася Борисовна, там все-таки незнакомые мужики будут, мало ли что. Кстати, кого-то мне этот хмырь усатый напомнил!

– И мне тоже, – призналась я. – Голос больно знакомый. Но Нару в соседний номер с пистолетом садить я не советую. Нара зависнет без своего компа, а учитывая, что у него в ушах вечно нудит Б.Г., то с пистолетом он вряд ли справится.

– Ась, кто здесь начальник? – ни с того, ни с сего вдруг решил уточнить шеф. Он рывком расслабил узел на галстук и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Ответить я не успела.

Дверь открылась и на пороге возникла женщина с мокрыми каштановыми волосами. На ней был молочного цвета брючный костюм из струящегося шелка, и почему-то не было обуви. Я не сразу заметила, что босоножки болтаются у нее на мизинце, подцепленные за тонкие ремешки.

– Дождь пошел, – смеясь, сказала босая дама и взъерошила мокрые волосы. – Представляете, впервые за все это лето наконец-то пошел настоящий дождь!

У Жуля отвисла челюсть и он уставился на неприлично яркий педикюр дамы.

Конечно, она в подметки мне не годилась, но сердце екнуло где-то в районе желудка, и я брякнула:

– У нас тут не богадельня. Дождь можете переждать в кафе «Три поросенка».

– Мне нужно алиби, – улыбнулась дама, словно давая этой улыбкой понять, что посещение нашего агентства для нее всего лишь милое баловство.

– Так проходите же! – Жуль бросился к ней, на ходу застегивая ворот рубашки и возвращая галстук на место. – Ася Борисовна, два кофе, пожалуйста! – кинул он мне через плечо, не оборачиваясь.

* * *

Они просидели в его кабинете тридцать две минуты и восемь секунд. Я следила за временем по часам на компьютере.

Я уговорила себя не подслушивать.

На черта мне это надо?!

Она в подметки мне не годится.

Когда они вышли из кабинета, у Жуля были шальные от счастья глаза, как у кота, который объелся ворованной сметаны. Она оказалась обутой, а в карих глазах у нее прыгали веселые черты.

– Всего хорошего, – сказала она Константину и протянула ему холеную руку. – Я рада, что нашла здесь профессионалов.

Жуль припал к ее ручке как пошлый повеса.

Я почувствовала тошноту.

– Мы обязательно еще встретимся, чтобы обсудить все детали...

– Я позвоню вам.

– Буду ждать. Вы самая красивая наша клиентка.

Тьфу!

Я нажала на брюхо игрушечного Крейзи Фрога, стоявшего у меня на столе, и лягушонек разразился неприлично громкими звуками заходящегося мотоцикла.

– До свидания! – перекричал Жуль игрушку.

– Пока-пока... – Пальчики игриво помахали в воздухе, отсвечивая бриллиантами.

Дверь за ней закрылась.

– Ася, у нас второй клиент за одно утро! – восторженно прошептал Константин Жуль.

– Да что вы говорите? – умилилась я. – Надеюсь, на сей раз залезть под одеяло с бокалом шампанского придется вам, а не мне?

– Ась, ну не ерничай. Вторая клиентка! И какая! – По-моему, Жулю хотелось подпрыгнуть, но он сдерживал себя изо всех сил.

– Что ей нужно? – буркнула я, пялясь в экран компьютера. Пасьянс не сходилась. Он никогда у меня не сходилась, если я загадывала желание, чтобы Жуль был со мной.

– У нее потрясающая история! Представляешь, она хочет сделать пластическую операцию, чтобы получить роль!

– Роль? – удивилась я. – Она актриса?

– Певица. Поет в ресторанах, но мечтает получить главную роль в мюзикле «Бал в поднебесье», который собирается ставить американский режиссер-постановщик Стюарт Карленд. Стюарт устроил кастинг по всем городам мира, в нем могут принять участие все желающие профессиональные актеры и актрисы, которые хорошо поют и танцуют. Скоро Карленд приедет в наш город! Но на главную роль он ищет определенный типаж и, чтобы соответствовать ему, наша клиентка решила на операцию. Она хочет немного изменить форму носа и овал лица, чуть подправить разрез глаз, увеличить грудь. По-моему, у нее и так все прекрасно, но ее решение непоколебимо. Она уверена, что, имея новую внешность, непременно пройдет кастинг и получит главную роль.

– При чем здесь мы?

– Видишь ли, она не хочет, чтобы ее друзья, близкие, а в особенности пресса, прознали про то, что она специально сделала эту операцию. Ей нужно алиби, что она попала в автокатастрофу. Понимаешь, она выйдет из клиники преображенная, но все будут думать, что изменения в ее внешности вынужденные, а не специальные!

– Бред, – пожала плечами я.

– Ась, ты не творческий человек, тебе этого не понять. А у нее от этой роли вся жизнь зависит! Ее ждет слава, Голливуд, выгодные контракты...

Я снова ткнула пальцем в брюхо Крейзи Фрога, и он затарахтел, как мотоцикл, набирающий обороты.

Не нравился мне этот разговор. Не нравилась мне эта актрисулька с малиновым педикюром. И история с главной ролью не нравилась. Куда понятнее, когда папик с накладными усами заказывает себе «брудершафт» под гостиничным одеялом с Мисс России, чтобы выпендриться перед другими папиками. Я не гордая, я пожалуйста, лишь бы господину Жулю хорошо было...

Константин вежливо подождал, когда игрушка заглохнет, и продолжил:

– Понимаешь, ей нужны свидетели этой аварии, причем свидетели из ее ближайшего окружения, поэтому дело будет обстоять так. Пятнадцатого июня на пять часов дня у нее назначена операция у лучшего пластического хирурга нашего города. За полчаса до этого наша клиентка на своей машине и в сопровождении своей лучшей подруги поедет на юбилейный вечер одного известного в городе актера, который будет проходить в загородном Доме творчества, и на котором будет присутствовать вся городская тусовка. На пятнадцатом километре Андреевской трассы произойдет несчастье – наша клиентка не справится с управлением, ... слетит в кювет и врежется в некое сооружение. Сработает подушка безопасности, но клиентка не будет пристегнута и... Ну, в общем, визг, вопли, – подружка с очень слабыми нервами, она, скорее всего, потеряет сознание, или будет орать как резаная. У нашей клиентки будет с собой баллон с красной краской, она сумеет измазать себе лицо «кровью» так, что не возникнет никакого сомнения, что она получила серьезную травму, несмотря на подушку. Такой трюк нашей клиентке ничем не грозит, потому что, во-первых, она очень хорошо водит машину и сумеет все рассчитать, а во вторых, сооружение, в которое она врежется, будет чистой воды профанация – мы соорудим его из картона и шин. Дальше дело техники. Андреевская трасса довольно безлюдная, в том направлении ездят только немногочисленные жители элитного поселка Андреево, ну, и тусовщики из Дома Творчества. К машине нашей клиентки сразу же подъедет случайно проезжающая мимо «Скорая помощь». Как ты догадываешься, это будет наша машина. Врач – наш человек – немедленно заберет «окровавленную» клиентку в больницу, сунув подружке под нос нашатырь. Подружку подхватит наша машина, якобы просто попутная. Она отвезет ее в Дом Творчества, где она с ужасающими подробностями расскажет всему городскому бомонду о несчастье, произошедшем с нашей клиенткой на трассе. Клиентка тем временем будет уже на операционном столе. А ее слегка побитую машину мы отвезем на стоянку, где она дожидется косметического ремонта. Ну, что ты молчишь, Ась?

– Странно все это. Мне кажется, может возникнуть много накладок. А вдруг подружка ее с перепугу коньки откинет? Или начнет оказывать первую помощь пострадавшей и увидит, что это не кровь, а краска?

– Не начнет! Не успеет. Мы будем рядом. А вообще, конечно – это филигранная операция! Но в этом-то и проявится наш профессионализм. Я сам займусь подбором надежных людей для этой операции.

– А ГАИ? Вдруг вмешается?

– Не успеет! Мы быстренько все растащим! Ась, ну почему ты такая ...

– Какая?

– Приземленная.

– Не нравится мне все это. Особенно то, что алиби ей нужно тоже на пятнадцатое июня, на пять часов дня.

– Это грубое совпадение, Аська! Грубейшее! Так в жизни бывает и говорит только о том, что провидение наконец-то повернулось к нам передом, а не задом. Наконец-то началась работа! Трудная! Настоящая! Интересная!!! – Жуль все-таки подпрыгнул, сделав в воздухе какое-то па.

– Странная эта певичка какая-то. Зачем, ну скажите, Константин Эдуардович, зачем такие сложности для того, чтобы подправить кое-что в своей внешности? Сейчас пластикой никого не удивишь и себя не скомпрометируешь... Не понимаю.

– Ты не актриса, тебе не понять. Понимаешь, в таком сценарии изменения своей внешности есть некий драматизм, судьба, трагедия, неизбежность, обновление... Это подогреет интерес публики к ее персоне, а так, пластика на пустом месте – фу, пошло! Она потрясающая женщина! И имя у нее потрясающее – Милда!

– Врет! – фыркнула я.

– Она потрясающе врет! – Константин Жуль блаженно прикрыл глаза.

Нужно было встать и сказать: «Я больше тут не работаю!», но я снова запустила пасьянс, загадав свое единственное в жизни желание, на которое ни один пасьянс никогда не сходил.

В дверь неожиданно постучали.

– Зайдите! – крикнула я голосом, в котором явственно слышались слезы.

– Можно? – в щель просунулась голова юноши с простоватым лицом. Убедившись, что никто ничего против него не имеет, юноша прикрыл за собой дверь и тоном рыночного покупателя поинтересовался:

– И почему у вас алиби?..

* * *

Он откашлялся в кулак и еще раз окинул взглядом приемную.

– Кофе нет, – предупредила я шефа.

– Что?! – не понял Константин Жуль. Появление третьего клиента за утро ввело его в ступор. Нужно было не допустить, чтобы он бросился в пляс, прихлопывая ногами в воздухе.

– Проходите, – пригласила я юношу в кабинет шефа.

Юноша не двинулся с места.

– Я хочу знать, почему у вас алиби! – настойчиво повторил он.

Он был какой-то странный, нарочито грубый, невысокого роста, одетый в неуклюжий, поношенный, словно с чужого плеча костюм, – рукава были ему длинны, плечи широки, а брюки гармошкой собирались у пола.

– Смотря, какое алиби вы хотите, – сказала я. – Стандартное алиби – «подставной телефон», стоит шестьсот рублей, если захотите купить месячный абонемент на эту услугу, то заплатите три тысячи. Если же вас интересует что-то другое, то цена будет зависеть от сложности поставленной перед нами задачи. Но предупреждаем – никакого криминала! Только помощь в маленьких личных проблемах!

Жуль по-прежнему молчал. Шеф или сошел с ума от радости, или не увидел в этом «поношенном» парне серьезного клиента.

– Садитесь, – кивнула я на стул рядом со своим столом, решив, что ни к чему приглашать юношу в кабинет шефа.

Скорее всего, парень неплатежеспособен, так и быть, послужу ему бесплатной жилеткой.

– Два кофе, – отомстила я Жулю.

Константин усмехнулся и ушел в свой кабинет.

– Расскажите мне вашу проблему, – сочувственно обратилась я к юноше, – и мы подумаем, как за меньшие деньги ее решить.

– Зря вы так, – насупился юноша, усаживаясь рядом со мной. – У меня есть деньги! А про цену уточняю только затем, чтобы потом не выглядеть идиотом. Я вот вчера в ресторане суши поел, а у них там к цене, которая в меню указана, оказывается, приплюсовывается еще цена за вход! Представляете, просто за вход – деньги берут! За то, что, я зашел в этот вшивый японский ресторан, сел за вшивый японский стол и заказал вшивые суши!! Ох.....ренеть! – вовремя изменил он глагол на более удобоваримый. – У вас за вход денег не платят?

– Мы ж не суши торгуем, – усмехнулась я. – Давайте, выкладывайте, что у вас там.

– Любовь у меня, – потупился юноша.

– Ну, слава богу! Хоть один нормальный человек!

– Что вы имеете в виду? – отчего-то перепугался юноша.

– Де нет, это я так, о своем. Рассказывайте, больной.

– Я здоров! Я совершенно здоров! – Юноша так радостно сообщил мне об этом, что я испугалась, не шизик ли он. – Понимаете, я полюбил девушку. Девушка полюбила меня. Все было хорошо, но... я взял и полюбил еще одну девушку.

– Занятно, – не удержалась от комментария я.

– Да, и получилось, что я люблю сразу двух девушек.

– Это бывает! – перед нами возник Константин Жуль с двумя дымящимися чашками в руках. В воздухе витал аромат кофе. Оказывается, в своем кабинете шеф ни в чем себе не отказывал!

Он поставил чашки на стол.

– Так вот, – продолжил юноша свой рассказ, – с тех пор жизнь моя превратилась в какую-то бешеную гонку с элементами эквилибристики. Я вечно куда-то бегу, вечно опаздываю, голова моя занята тем, что бы такое соврать и при этом не запутаться. Мне нужно все время помнить, что я говорю одной, а что говорю другой. Я постоянно слежу, чтобы не перепутать их имена! С одной стороны это тяжело, с другой – волшебное, фантастически здорово! Дело в том, что я не могу бросить ни одну из них, я люблю их обеих! – На глазах у юноши вдруг показались слезы и я позавидовала этим двум девушкам: пожалуй, если бы я проходила у господина Жуля под номером два, меня бы это устроило, с поправкой, что он сходил бы с ума по обеим.

– Я люблю и Дашку и Наташку, и Наташку и Дашку. Я организовал свою жизнь так, что успеваю каждой из них уделять много внимания. Я все успеваю! Встречаю Дашку из университета, провожаю домой, – я снял ей квартиру, – потом говорю, что иду на работу, а после работы бегу к Наташке. Наташка с бабкой живет, бабка слепая, глухая и нам не мешает. Так и кручусь между ними как белка в колесе, но ни от одной из них не могу отказаться. Вымотался весь, измотался, исхудал, обносился вот... – он сунул мне под нос потертый рукав пиджака, – потому что все, все свои заработанные денежки я трачу на Дашку и Наташку. И знаю, что умру, если откажусь хоть от одной из них! И вот, понимаете, случилась странная, невероятная вещь. Обе они ... – он смутился и замолчал.

– Забеременели? – решил помочь ему Жуль выговорить страшную правду.

– Нет, тьфу, тьфу, тьфу, что вы, что вы! У меня скоро день рождения, и они решили мне сделать подарок. Знаете, женщины всегда прячут свои сюрпризы не очень оригинально – в стопке белья, под матрасом, или в шкатулке на тумбочке. Так вот, абсолютно случайно я обнаружил, что собираются мне подарить любимые девушки. Вы не поверите, но это оказались совершенно одинаковые подарки – билеты на показательный бой между звездами кикбоксинга, легендарным Джерри «Зверем» Канниганом и надеждой нашего города Сергеем «Щитом» Дьяченко. И Наташка и Дашка знают, что я без ума от кикбоксинга, они в курсе, что я фанат Джерри. И вот он приезжает в наш город! Уж не знаю, как девчонкам удалось достать билеты на бой, – за ними полгорода в кассы ломилось, люди ночами в очередях стояли, костры жгли, в палатках возле Дворца спорта жили! Но факт остается фактом, пятнадцатого июня, в день моего рождения, я буду приглашен на самое удивительное шоу, которое было когда-либо в нашем городе. Не знаю, как это получилось, но места, указанные на обоих билетах, находятся рядом! То есть мы должны будем сидеть в следующем порядке – Дашка, я, Наташка и снова я. Это невозможно. – Юноша схватился за голову. – Но и не пойти на бой я не могу. Во-первых, девчонки знают, что никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от такого подарка. Во-вторых, я действительно должен попасть на этот бой! За автограф Джерри «Зверя» Каннигана я полжизни готов отдать! А тут ... места прямо в первом, самом блатном ряду!! Я не могу упустить такую возможность, потому что никогда, никогда не случится больше такого чуда, что Джерри приедет в наш город. Нужно придумать мне два железных алиби, почему я не смогу пойти с Наташкой, и почему не смогу пойти с Дашкой. Без меня они во Дворец спорта точно не попрутся, я их хорошо знаю. А тем време-

нем я, сказав им, что сохраню билеты на память, воспользуюсь ими, попаду на бой и, даст бог, пообщаюсь с самим Джерри «Зверем»! Понимаете?!

– Что уж тут непонятного, – усмехнулся Константин Жуль. – Простите, как нам вас называть? Вы можете не говорить своего настоящего имени, просто как-нибудь назовитесь, чтоб нам завести клиентскую карточку.

– Слава Лавочкин меня все зовут. Вячеслав, если угодно. – Юноша зачем-то подпрыгнул и поклонился. Видимо, у него были какие-то свои представления о хороших манерах. К кофе он не притронулся.

– Слава, давайте определимся сейчас, какие алиби были бы убедительны для ваших девушек.

– Я точно знаю, какие! Наташке мне нужно показать телеграмму из села Алешкино от моей сестры. Текст нужен такой: «Мама тяжело заболела, срочно приезжай. Люба». Наташка она такая – для нее семейные проблемы святы. Она нисколько не обидится, что я к больной маме на электричке ринусь, она еще и подарков мне с собой соберет. Только вот от мамы ей тоже гостинцев привезти надо – сала там домашнего, варенья, соленья, всякой муры из огорода. А еще лучше фотки ей показать семейные, как я с больной мамкой в обнимку у кровати сижу. Наташка подозрительная очень, сразу чувствует, когда я ей вру. Телефона в моей деревушке нет, позвонить она мне не сможет, а вот фотки для нее лучшим доказательством будут. Сумеете смонтировать? Я оригиналы вам принесу. А телеграмму сможете от лица Любки из моей деревни дать? Деревенские подарки организуете? Сейчас на рынке такую дрянь продают, на деревенские соленья это не тянет. Наташка сразу поймет, что не домашнее это, не для себя заготовлено...

– Сумеем, сможем, организуем, – вздохнул Константин Жуль.

Видно было, что Лавочкин как клиент ему не очень-то интересен. Вернее, был бы он первым клиентом, Жуль бы в лепешку расшибся, чтобы угодить парню, но на фоне чертовой Милды и усатого папика юноша бледно смотрелся.

– А вот с Дашкой труднее придется, – продолжил свой рассказ Лавочкин. – Дашку больной мамой не убедишь, да и два одинаковых алиби делать не хочется. Я тут думал, думал, что ей наврать, и придумал. Мне нужна повестка из прокуратуры. Или из милиции. Чтобы меня вызвали как свидетеля какого-нибудь происшествия именно на то время, когда состоится бой.

– А в какое время состоится бой? – спросила я.

– В пять часов вечера. Я что, не говорил?

Мы с Жулем переглянулись. Кажется, шеф нахмурился.

– Вы сможете мне повестку организовать? Только настоящую, с печатью, Дашка на юридическом учится, она подделку сразу распознает.

– Сможем, – кивнул Жуль. – У меня много приятелей в уголовном розыске.

Шеф взял чашку и выпил остывший кофе.

– Правда?! – обрадовался Лавочкин. – А скидочку оптовую сделаете? Я ведь два алиби сразу заказал!

– Сделаем, сделаем, – пробормотал Жуль, взял бумажку и написал на ней какую-то цифру. Какую, я не увидела.

Юноша посмотрел на бумажку и полез во внутренний карман за бумажником.

– Вы можете заплатить сейчас лишь половину, – сказал ему шеф, глядя, как тот, посплюнявив палец, отсчитывает деньги, которых в кошельке оказалось достаточно много.

– Нет уж, я лучше все сразу. А то скажете потом, за алиби плати отдельно, за вход – отдельно. Вы чек мне дадите?

Жуль засмеялся.

– Ась, нарисуй ему чек на семьсот долларов! Напиши там – за организацию алиби Наташке и Дашке.

– Ой, ладно, не надо, – махнул рукой Лавочкин. – За дурака тут меня держите! Я ведь почему к вам пришел – самому мне все чисто не организовать. Где-нибудь обязательно проколуюсь. Поэтому я решил к профессионалам обратиться. Вот вам моя визитка, – он протянул глянцевого прямоугольника, – связывайтесь со мной по рабочему телефону. Завтра я привезу вам фотки, которые нужно состыковать на компьютере. Смотрите, не обманите!

С этими словами он скрылся за дверью.

Мы с Жулем посмотрели друг на друга. Не знаю, как у меня, а у Константина вид был очень растерянный. После минутной паузы шеф сказал:

– Ась, я, конечно, рад, что наш бизнес сдвинулся с мертвой точки, но... – Он нервно подергал себя за галстук и снова молча уставился на меня.

– Да уж, похоже, полгорода решили срочно обзавестись алиби на пять часов вечера пятнадцатого июня, – пробормотала я. – Может, закроемся уже на сегодня, от греха подальше?

– Может, и закроемся. От греха подальше. – Константин сгреб со стола деньги, оставленные Лавочкиным и протянул их мне. – Держи, на мелкие расходы. Кофе в контору купишь и колготки себе новые.

Терпение мое лопнуло, я решительно открыла рот, чтобы сказать, что я Мисс Россия-2004, что на мне нет колготок, что я загорала, загорала и загорала на местном пляже до опупения, чтобы ему, гаду, понравиться, но... Ничего я сказать не успела, потому что в контору ввалился Нара.

Он как-то странно посмотрел на нас с шефом, вытащил из ушей наушники, чего с ним сроду не случалось, и, округлив глаза, поинтересовался:

– Я ничего не пропустил?

Мы с Жулем расхохотались.

* * *

Работа в «Алиби» закипела. В конторе стали появляться какие-то люди. Игнорируя мое присутствие, они шныряли туда-сюда, уединялись и совещались о чем-то с шефом, убегали, потом прибегали снова и опять совещались.

Я принципиально ничего не подслушивала. Я купила самоучитель итальянского языка и пыталась его освоить.

Жуль про меня забыл. Я же согласилась отработать алиби для усатого папика, чего ж ему было обо мне беспокоиться? Он полностью окунулся в работу со своими внештатными сотрудниками, которые бегали, выполняя его мелкие поручения и которые, собственно, и должны были организовать все тонкости автомобильной аварии для Милды, деревенские подарки и повестку из прокуратуры для Лавочкина. У господина Жуля оказалась масса полезных связей, которые он сейчас на всю катушку использовал. Похоже, он и вправду знал, что делал, организуя это странное во всех отношениях агентство. Дверь постоянно хлопала, на чистом линолеуме оставались следы грязных ботинок, а итальянские слова и выражения никак не хотели задерживаться в моей голове. Раздражение стало постоянным спутником моего настроения в эти дни.

Примерно в таком же расположении духа пребывал Нарайян. Он сидел в своем кабинете с недовольным лицом, морщился, будто у него болел зуб, и что-то ваял на компьютере – видимо, фотографии, подтверждающие пребывание Лавочкина у постели больной мамы. Б.Г. принимал в этом процессе непосредственное участие, это подтверждали наушники, торчавшие в ушах Нарайяна.

Пару раз в агентство забегала Милда. Оставляя в приемной шлейф тонкого аромата и, блеснув ярко-кариими глазами, она исчезала в кабинете шефа, где восстанавливалась подозрительная тишина.

Я не подслушивала. Зачем? Она лет на десять старше меня; ноги, волосы, губы, глаза, рост – ничто в ней не устроило бы членов жюри, присуждающих титул «Мисс». Я несомненно лучше, и если господин Жуль этого не понимает... то рано или поздно поймет. Нужно только подождать.

Минут через пятнадцать Милда уходила, а Константин выходил из кабинета довольный. Он шурился и курил.

– О, а почему итальянский? – равнодушно спросил он как-то меня, заметив самоучитель.

– Потому что язык красивый.

– А по мне так самый красивый – китайский, – расхохотался шеф. – Аська, тебе бы очень пошло болтать на китайском!

Я схватила учебник и швырнула его в мусорную корзину.

До пятнадцатого июня оставалось каких-нибудь пара часов, когда...

* * *

Когда звонок прозвенел в дверь, было начало одиннадцатого.

От неожиданности я вздрогнула, потому что никто и никогда не приходил ко мне поздним вечером.

Нет, впрочем, один раз все-таки приходил – Киркин муж, когда Кирка ушла от него. Он приперся ко мне в пол-двенадцатого и час ползал по моей квартире, заглядывая под все кровати и открывая шкафы. Потом он горестно пил коньяк на моей кухне, рассказывал, что он жить без Кирки не может, и с Киркой не может, и что бедному мужику делать, если ни с ней, ни без нее счастья нет. Выйти он решил через балкон, и я никак не смогла повлиять на это решение. Благо, что моя квартира находится на втором этаже. Киркин муж приземлился на четвереньки, встал, отряхнул колени и побрел по ночному проспекту, пошатываясь, насвистывая арию из оперы «Кармен» про красавицу и измену.

Сейчас звонок звенел так же требовательно, как в тот раз. Я накинула халат и пошла к двери.

– Валер, Кирки у меня нет! – крикнула я, твердо решив не открывать дверь.

– Басова, это я! – раздался голос моего шефа.

– Ой... – колени у меня задрожали, а голос немедленно сел. – Сейчас, Константин Эдуардович, ой, сейчас...

Что делать? Я не накрашена, не причесана, в тапках, в халате, с губами, перемазанными шоколадом, который лопаю прямо в постели, читая очередной детектив.

Я откинула цепочку с двери. Будь что будет. Мисс я все-таки, или не мисс?!!

Хоть бы рояль сбацал что-нибудь жизнеутверждающее!

Дождалась! Жуль пришел ко мне на ночь глядя. Зачем? Двух ответов быть не могло.

Он стоял передо мной чуть растрепанный, потерянный и... вдрызг пьяный.

Хорошо, что я не бросилась сразу ему на шею.

– Ась, – Константин помахал у меня перед носом бутылкой шампанского. – Ась, давай выпьем?

– Проходи... те.

Не разуваясь, он прошел в гостиную и поставил шампанское на рояль. Из внутреннего кармана достал шоколадку, развернул, и дрожащими пальцами наломал на ровные прямоугольники.

Бабка на афише грозно нахмурилась. Я глянула на нее и пожала плечами. Ладно, бабуль, это первый мужчина, который ставит шампанское на твой драгоценный рояль. Потерпи.

Я достала из серванта два хрустальных бокала.

– Ася, ты любила когда-нибудь? – вдруг спросил Жуль, заглянув мне в глаза.

– Да. Вернее, я и сейчас люблю, Константин Эдуардович. – Я хотела было бросится шефу на шею, но бабка высокомерно подняла на афише брови и я не посмела.

Жуль разлил шампанское по бокалам и, не предлагая мне чокнуться, свою порцию выпил одним глотком.

– Нет, я неправильно выразился, – поправился он. – Ты любила когда-нибудь безответно?!

– Да!! – Глупые пузырьки ударили в нос, я закашлялась.

– Тогда ты меня поймешь. – Он снова разлил шампанское, поднял бокал и сквозь него посмотрел на яркую люстру. – Милда меня отшила, Аська. Вот так прямо взяла и отшила. Сказала, что кроме рабочих, у нас никаких отношений не может быть. Представляешь?!

Я опрокинула в себя бокал, потом наполнила его и опять опрокинула, и снова наполнила... Жуль посмотрел на меня с удивлением.

– Ася Борисовна, ты напиваешься?

Кто это спросил?... Бабка с афиши, или Константин Жуль?

Я промолчала. Гостиная водила вокруг меня хороводы. Афиш было несколько, и Жулей несколько, и рояль не один...

– Зачем?!! – спросили хором все вместе шефы, – Ну я-то напиваюсь с горя, а ты зачем?!

– А я с радости. От большой человеческой радости, что ...

«Милда тебя отшила». У меня хватило ума не говорить это вслух.

Жуль пожал плечами, сел за рояль, и так хорошо, так технично, профессионально, бурно и искренне сыграл Рахманинова, что у бабульки, кажется, челюсть отвисла.

– Вообще-то, рояль у меня сам играет, – сказала я шефу, когда тот торжественным аккордом поставил точку в рапсодии и потряс над клавиатурой кистями, словно стряхивая с них воду.

– Руки не разогрел, темп не выдержал, – проигнорировал Константин мое сообщение и снова потряс руками. – Слушай, а почему у тебя инструмент такого дикого цвета?

Я взяла бутылку и начал пить из горла. Жуль смотрел на меня и, кажется, на глазах трезвел.

– Ась, извини. Наверное, я не должен был к тебе приходить, да еще так поздно. Извини! Просто я сегодня встретился с Милдой. Совершенно случайно, но улице! Я подвез ее до ресторана, в котором она поет, и она пригласила меня на ужин. Все было просто прекрасно, Милда весь вечер смотрела на меня своими кофейными глазами, смеялась и, ей-богу, давала авансы, иначе бы я не рискнул ей признаться, что по уши, как мальчишка, влюблен в нее. Когда я это сказал, она стала вдруг очень официальной и заявила, что между нами могут только рабочие отношения. Что как только я решу ее проблему и отработаю деньги, которые она заплатила, мы больше с ней не увидимся. Она сказала это, поднялась и вышла на сцену. У нее потрясающий, низкий, грудной голос. Она пела какой-то блюз на французском, и не смотрела на меня, не смотрела! Все в зале замерли и слушали только ее, эта женщина обладает потрясающим магнетизмом. Я заплатил по счету, встал и ушел. Бросил машину на стоянке и пошел пешком. По дороге купил водки в киоске и в стельку напился. Почему-то мне показалось, что на всем белом свете только ты поймешь меня, Аська. – Жуль наклонил голову и уперся лбом мне в живот. Его влажные волосы пахли летним дождем, мокрым асфальтом и чуть-чуть табаком.

Я сдержалась, чтобы до них не дотронуться.

– Откуда ты узнал мой адрес? – Количество выпитого давало мне право называть шефа на «ты».

– Позвонил Наре, он сказал. Оказывается, ты живешь напротив работы, а я и не знал, – пробубнил мне в живот Константин Жуль.

– Уходи. – Я отодвинулась от него. – Уходи!

Очень хотелось заплакать, может быть, даже повить, потопать ногами и разбить пару тарелок из бабкиного сервиза.

Жуль кивнул, встал и ушел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Слезы, закипавшие на глазах, вдруг исчезли. Я быстро переоделась, взяла шампанское, помахала бабке рукой и вышла на улицу.

* * *

Патриотическая спала. Трамваи уже не ходили, пешеходный поток схлынул, светофор монотонно мигал желтым светом. Неоновые вывески отражались в мокром асфальте, расцвечивая его во все цвета радуги.

Накрапывал мелкий и теплый дождик.

Я брела вдоль дороги, отхлебывая то и дело из пузатой бутылки шампанское.

Казалось, жизнь моя кончилась. Зачем этот дождь, эта ночь, это небо, этот влажный, налитанный городскими ароматами воздух, если Жуль несчастен от того, что какая-то кареглазая Милда не смотрит на него, когда поет блюз на французском? Наверное, эта Милда очень умная женщина. Кинься она ему на шею, Жуль поиграл бы с ней пару недель, заскучал бы и бросил. А так ему кажется, что он жить без нее не может...

– Мисс!! Не барское это дело, босиком по лужам бродить! Садись, красавица, прокачу!

Первый раз в жизни я не услышала, как ко мне подошел Корчагин. Я залезла в повозку и уселась рядом с Бубоном. Повозка плавно тронулась и, тихонько поскрипывая, неторопливо покатила по лужам.

– Что, Бубон, сегодня не твой день? – кивнула я на пустое пассажирское место.

– Ну, во-первых, уже давно ночь, а во-вторых, я бы сказал, мисс Вселенная, что и у тебя не все гладко сегодня, – усмехнулся клоун и подмигнул мне нарисованным глазом. – Любовная неудача?

– С чего ты взял?

– А что еще может заставить двадцатилетнюю девушку шляться ночью босиком по ночному городу, бормотать что-то под нос и размахивать пустой бутылкой шампанского? Только любовная неудача.

– Я бормотала себе под нос? Размахивала бутылкой? – Я рассмеялась.

– Да! Ты делала вот так. – Бубон изобразил пантомиму: нахмурился и, шевеля беззвучно губами, начал размахивать руками.

Корчагин замедлил шаг и в пол-оборота с удивлением посмотрел на хозяина.

– Но-о! – легонько подхлестнул его Бубон тонким хлыстом. – Я видел недавно, как из твоего подъезда выходил высокий красавчик. Типичный бабский любимчик – светлые волосы, широкие плечи, насмешливый взгляд. Кажется, это твой шеф. Не по нему ли страдаем?

– По нему, – неожиданно для себя самой призналась я клоуну. Шампанское сделало свое дело, я вылила на Бубона все подробности своей несчастной любви.

– У меня в детстве, Бубон, была книжка «Бременские музыканты». Сначала мне читала ее бабушка, потом я научилась сама. Там на картинках парень был нарисован – высокий, в джинсах, в рубашке с распахнутым воротом, со светлыми волосами и глазами вечного странника. А с ним еще петух, собака, осел... Я влюбилась в этого Трубадура в возрасте четы-

рех лет. Книжку зачитала до дыр. Я представляла себя той самой принцессой с длинными белыми волосами, которая сбежала из дома и пошла странствовать с бедными музыкантами. Помнишь, там была такая высокая девушка в коротенькой юбочке? «Такая, сякая, сбежала из дворца!» Наверное, я идиотка, потому что, дожив до двадцати трех лет, ни разу ни в кого не влюбилась только по той причине, что никто не был похож на того Трубадура... Подруги уже замуж все вышли, развелись и опять вышли, а я вот только институт закончила, да на конкурсах красоты звезда. Мне никто никогда не нравился, несмотря на толпы поклонников! Я уже стала подумывать, а не выйти ли мне замуж по банальному, пошлому расчету? Ведь жизнь-то проходит, утекает сквозь пальцы, что же мне так и жить одинокой?! И тут... Я шла по Патриотической, вдруг вижу, из припаркованной у противоположного дома машины, выходит он, Трубадур из «Бременских музыкантов». Его точная копия! У меня даже сердце остановилось, Бубон. Но ведь девушки не могут первыми подходить к парням и знакомиться, да еще на улице. Я видела, в какой подъезд он зашел, под села к бабкам на лавочку и спросила, кто такой этот парень. Бабки с готовностью сообщили мне, что он – «арендатор хренов», снял в доме квартиру под офис, рядом с зубным кабинетом. Чем заниматься будет, они точно не знали, но точно какой-нибудь «хренотенью» вроде интим-салона. А что еще такой раскрасавчик может, кроме интима, ведь у него и мозгов-то, небось, кот наплакал. На следующий день я пришла к нему в офис. С порога заявила, что ищу любую работу. Жуль удивился, ведь он еще не давал никакого объявления о наборе персонала, но, осмотрев меня с головы до ног, заявил, что я вполне устрою его в качестве секретарши. Я тогда работала на телевидении, вела развлекательную программу, но такой «карьерный рывок» меня не чуть не смутил. Не задумываясь, я распрощалась с прежней работой и шагнула навстречу своей большой и светлой любви. Но Жуль отчего-то совсем не пленился моей неземной красотой. Он вел себя так, будто знать не знал, что я знаменитая, титулованная красавица и популярная телеведущая популярной телепрограммы. Он воспринимал меня как ... как привычную и необходимую часть интерьера. Сначала я думала, что мой Трубадур, увы, голубой. Но потом поняла, что ошиблась. Подслушивая его телефонные разговоры, узнала – женщин он меняет чаще, чем рубашки, которые ему стирает мама. Но в черед его любовных увлечений не было для меня даже маленького местечка! Чего я только не делала, – одевалась в разных стилях, меняла прически, духи, перепробовала все цвета губной помады, набирала вес, сбрасывала, ходила и в джинсах, и в мини, с декольте до пупа и в целомудренных водолазках, все бесполезно. Жуль был со мной сдержанно-деловит. Ну не могла же я сама признаваться ему в любви! Баба мне говорила, что главное в женщине – гордость. Она с детства вбила мне в голову, что инициатива должна исходить только от мужика, иначе о тебя вытрут ноги. Я не хотела, чтобы Жуль вытирал о меня ноги, и молчала. До сих пор молчу! А сегодня шеф пришел ко мне и сообщил, что любит другую женщину. Она дала ему от ворот поворот, он с горя напился и почему-то вообразил, что понять его изнывающую душу могу только я. Я выгнала его, Бубон. Наверное, нужно было жалеть его, утешать, попытаться затащить в свою девическую постель, но я выгнала. И пошла шататься по улице под дождем босиком и с шампанским. Я дура, да, Бубон?! Скажи, я полная дура?!

– Ты Трубадурочка, – неопределенно ответил клоун и задумчиво произнес: – Неужели та женщина лучше тебя?

– Я видела эту женщину, она в подметки мне не годится, но он выбрал ее. Почему? Я не знаю. Наверное, когда всем отмеряли порцию счастья, про меня позабыли. Красоту неопишемую дали, ума немножко отсыпали, на здоровье не поскупились, а... про счастье забыли. Это издевательство. Какое-то высшее, философическое издевательство! – Я широко развела руками и скорчила рожу.

Все-таки, я была очень пьяная. Пьяная и откровенная, как деревенская дурочка. Только деревенская дурочка может так неистово исповедоваться бедному клоуну.

Бубон, прищурившись, смотрел вдаль, туда, где на горизонте уже маячила розовая полоска рассвета. Летом такие короткие ночи...

Мы проехали окружную, и теперь опять катились по Патриотической. Копыта гулко цокали по асфальту, а колокольчик на шее Корчагина исполнял свою нежную песню. Дождь перестал накрапывать, готовясь уступить место дневной жаре.

Интересно, почему Бубон не успокаивает меня? Разве не для того я изливала ему в расписной повозке душу, чтобы услышать простые, банальные слова утешения, – что все у меня впереди, что не надо отчаиваться и так далее. Это пошло, но только так прилично себя вести, когда немножко пьяная девушка, не в меру разоткровенничавшись, выкладывает тебе интимные подробности своей любовной неудачи.

– Мы все в вечной погоне за счастьем, – вдруг глухим голосом сказал клоун. – Никто толком не знает, что это, но все его ищут. Девчонки ищут счастье в любви, парни... В чем только парни его не ищут! В любви, в карьере, в деньгах. Да, прежде всего в деньгах. А счастье, Аська, это то, чего нет. Понимаешь? Мираж! Ничего нет притягательнее миража. Ничего нет желаннее. Идет странник в пустыне и вдруг видит – вода, зеленый лужок, прохладное марево. Бросается он освежиться, попить, поваляться на травке, а на месте оазиса – горячий песок. И нужно снова идти. Вперед, к миражу, к счастью. И если бы не было этого миража, мир бы замер и умер. Потому что не к чему бы было стремиться. Вот такое мое простецкое разумение на тему счастья, Аська! Слушай, я тут живу недалеко, может, поедem ко мне, кофе попьем? Ты взбодрись и протрезвеешь...

– Стой! – я выхватила у него поводья и натянула изо всех сил. Корчагин послушно замер, повозка остановилась как раз напротив моего дома.

– Я не пью кофе с клоунами! – Я прыгнула на асфальт и пошла в свой подъезд.

Я почти возненавидела Бубона за то, что он не стал меня утешать. И зачем я выворачивала перед ним душу?

– Ты будешь счастливой! – крикнул клоун мне вслед. – Я обещаю это тебе, мисс Вселенная!

Я сразу простила его, обернулась и помахала рукой.

* * *

Пятнадцатое июня выдалось ярким, солнечным днем. На работу я не пошла, решив, что ни к чему мне видаться с шефом после бессонной ночи и перед ответственным заданием. А он был настолько уверен во мне, что даже не позвонил. Я проспала да двух часов дня, а потом приводила себя в порядок с помощью контрастного душа и крепкого чая. Голова совсем не болела, только сердце немножко ныло при воспоминании о пьяном, несчастном Жуле, терзающем страстными аккордами мой рояль.

В половине пятого я вызвала такси, так как у моего «Фольксвагена» оказалось спущено колесо.

– Куда едем, барышня? – равнодушно спросил пожилой водитель.

– «Африка», – ответила я. – Частная гостиница недалеко от ипподрома, надеюсь, знаете?

– Кто ж не знает гостиницу «Африка»! Только она не около ипподрома, а рядом с фабрикой мягких игрушек, – усмехнулся таксист и за каких-то пятнадцать минут домчал меня до нужного места.

Как ни странно, в гостинице меня ждали. Молоденькая девочка на ресепшен заулыбалась, когда я сказала, что мне нужно пройти в номер «люкс».

– О да, да!

Меня покорило, что факт моего прихода был так широко разрекламирован в этой гостинице. Постаравшись получше занавесить лицо длинными волосами, я пошла за девушкой, которая решила меня проводить.

Гостиница была небольшая, всего двухэтажная. В кадках росли пальмы, стены украшали панно с изображением африканских пейзажей. По коридору сновали дочерна загорелые горничные в коротеньких юбочках и лифчиках, плохо прикрывающих грудь. Мне стало немного не по себе. Это случаем, не публичный дом?

У номера двести семь девушка остановилась. Дверь внезапно открылась, какая-то девица выскочила из люкса, мелькнула длинным подолом и скрылась за поворотом, оставив приторный аромат духов. Ситуация нравилась мне все меньше и меньше. Это что ж, тут конвейер девиц, проходящий через этот люксовый номер?.. Я затравленно оглянулась, глазами отыскивая соседний номер, в котором, как обещал Константин Жуль, для подстраховки должен был находиться Нара.

Но соседнего номера в этом крыле попросту не оказалось.

– Проходите, – легонько подтолкнула меня девушка с ресепшен. – Господин Хен Ён Хо ждет вас!

– Какой еще Хен? Что за Хо? – растерялась я, но девушки уже и след простыл.

Я пожала плечами и зашла в номер. Ведь я обещала Жулю, что отработаю этот заказ.

* * *

Он сидел в глубоком кожаном кресле. Черный шелк халата нахально отсвечивал в лучах солнца, светившего через незашторенное окно. Но главное было не это.

Ужас был в том, что он оказался японцем.

Или китайцем?

В общем, что-то в таком монголоидном роде.

У него было желтовато-коричневое лицо, узкие глаза-щелки, короткие ручки-ножки и жесткий шлем из черных волос.

От неожиданности я отшатнулась назад.

У него при виде меня глаза приобрели нормальный европейский разрез.

Справившись с минутным порывом удрать, я шагнула навстречу нашему первому «золотому» клиенту.

– Зря вы усы свои рыжие отклеили, – сказала я, проходя к кровати. – И шляпу зря сняли. Если бы я знала, что вы такой скрытный киргиз, то подумала бы – пить с вами на брудершафт перед компанией ваших друзей, или нет. Не подумайте ничего плохого, просто не люблю, когда скрывают национальность. По-моему, это не патриотично.

Я сняла босоножки и майку, сдернула покрывало и нырнула под одеяло. Джинсы я не стала снимать. Обойдется. Хватит с него голых плеч.

– Шампанское где? – довольно грубо поинтересовалась я. – Уже без пяти пять. Сейчас завалятся ваши приятели, ради которых вы затеяли этот спектакль.

Японец-китаец-киргиз промолчал. В его черных глазах зарождался смерч. Во всяком случае, мне так показалось.

– Скажите, а ваши друзья тоже... такие? – Я растянула пальцами уголки глаз.

Он вдруг зарычал, распахнул халат, под которым оказались черные сатиновые трусы, и...

Тут зазвонил сотовый телефон.

– Ё пусие?² – мигом став официально-любезным, произнес в трубку мой клиент с самурайской внешностью. И заговорил быстро-быстро, на непонятно каком языке, бросая на меня жадные взгляды.

– Какое к черту е пусие! – возмутилась я и постучала длинным ногтем по наручным часам. – До пяти остались считанные минуты! Давайте шампанское, сейчас завалятся ваши дружки! Алиби не получится!

Самурай отбросил телефонную трубку, опять распахнул халат и, обнажив свой торс, хищной птицей ринулся на меня.

– Эй!! Мы так не договаривались! – Я еле успела увернуться, иначе бы его жирное тельце придавило меня к шелковым простыням. – Эй, эй!! – С перепугу я начала колотить в стену, забыв, что соседнего номера в этом крыле гостиницы не существует. – Нарайян! Нара! – заорала я, что есть сил. – Помоги! Спаси! Твою мать...

– Тэваю мьять, – как плохой попугай повторил самурай и сделал настойчивую попытку залезть мне в лифчик.

И тут у меня в голову что-то щелкнуло.

Ну не мог рыжеусый дядька с южнорусским выговором превратиться в японца!

А это значит...

Я перепутала номер.

Или гостиницу.

Или день.

Или час!

Или все вместе, сразу и одновременно!!!

С блондинками это случается.

– Ё пусие! – взмолилась я под тушей смуглого самурая. – Экскьюзми, плиз! Ай эм нот рашен шлюха! Ай эм рашен бизнес леди!! Ай эм гуд вумэн!! Ай эм Мисс Рашен!! Ай эм... Отпустите меня, пожалуйста, е пусие!

Но самурай терпеть не мог останавливаться на полпути. Он не слушал мои англо-русские вопли, а настойчиво пробивал дорогу к моему телу. Джинсы трещали по швам. Он был тяжелый, толстый и пыхтел как стадо слонов.

– Тэваю мьять, – повторял он понравившееся ему русское выражение.

Я поняла, что пропала. Что буду гнусно изнасилована в гостиничном номере, и никто не придет мне на помощь. Я пыталась кусаться, царапаться, но то ли ногти у меня были недостаточно острые, то ли зубы не очень крепкие, но его полыхавшее от желания тело не реагировало ни на какие болевые синдромы. И тогда я применила самый запрещенный во всех видах борьбы прием – коленом зазвездила ему по яйцам. Самурай взвизгнул тоненько, разжал удушающие объятия и схватился за самое ценное в своем организме место. Я, воспользовавшись секундной свободой, рванула к двери, но она почему-то оказалась закрыта. Драгоценное время уходило, японец приходил в себя и уже был готов к очередному броску на меня.

– Самурайская сволочь! – прошипела я. – Ты думаешь, если девушка разделась и залезла тебе в постель, ты можешь делать с ней все, что захочешь?!! Дрянь, гад, кобелина, самурайский козел! – Гримаса боли постепенно уходила с лица японца-китайца, уступая место восхищенно-хищному выражению. Он сел в постели на корточки, изготавившись, кажется, для тарзановского прыжка к вожаденной добыче.

Тут я заметила, что окно в номере люкс распахнуто настежь. Не задумываясь, на каком этаже нахожусь, я разбежалась и сиганула в зияющее пустотой пространство. Сзади послышался разочарованный взвизг самурая.

² Ё пусиё – искаж. от корейского «Алло»

Я летела и вспоминала свою короткую и счастливую, в общем-то, жизнь...

* * *

Не успев испугаться, я приземлилась в рыхлую землю газона. Ко мне бежали какие-то люди – девушка в гостиничной униформе и парень в бейсболке.

– Она! – заорал сверху, высунувшийся в окно, самурай. – Она мне подходит! Кастинг конец! Плачу! Дэнги! Плачу! Триста евра в час!

– Тьфу! – плюнула я в него, задрав голову вверх.

Плевок благополучно вернулся мне в лицо.

– Пятьста, пятьста доллар в минуту... – простонал самурай, навалившись пузом на подоконник. – О-о-о, какой герл! Какой кайфный русский герл!!! Секс, эротик, наркотик, улет, о-о-о-о! Зашибись, офигеть, о-о-о-о!!

– Вы не разбилась? – гостиничная девушка слала ощупывать меня руками. – Почему вы вывалились в окно? Почему в лифчике? Что-то случилось на собеседовании?

– Можно и так сказать, – простонала я, потирая ушибленные коленки.

– Аська! Ты идиотка! – парень в бейсболке оказался Нарайяном. Он быстро снял с себя джинсовую куртку и натянул на меня. – Прикройся, срам на тебя смотреть.

Я попыталась встать, но не смогла, отбитые пятки очень болели.

– Господин Хен Ён Хо никогда не позволял себе ничего неприличного, – пробормотала растерянно девушка, все еще ощупывая меня. – Он приехал в наш город из Южной Кореи и ищет себе переводчицу. У него бизнес в России и ему нужна миловидная девушка, хорошо знающая корейский язык.

– О-о-о-о! – взвыл господин Хен, – о-о-о-о! Секс, эротик, наркотик!! Улет, фантастик, оргазм!! Суперский герл! Тысяч доллар в минуту! О-о! – Он опасно навис над газоном, рискуя вывалиться из окна. При виде его смуглого тела меня слегка затошнило.

– Так я не поняла, вы что, не согласны на такие условия? – слегка ошарашено спросила меня девушка.

– Я не знаю корейского языка, – пробормотала я и опять попыталась подняться. Нара смотрел на меня насмешливо и даже не попытался помочь мне встать. Я с трудом поднялась на ноги. На ладонях остались травяные зеленые отпечатки. Газон после моего приземления утратил ухоженность и холеную безупречность.

– На вашем месте я согласилась бы! – твердо сказала девушка и мечтательно посмотрела на Хен Ён Хо.

– Пять тысяч доллар в минуту! – проплакал сверху богатый кореец, понимая, что суперская русская герл готова удрать, наплевав на его баснословные гонорары.

– Аська, ты полная идиотка! – Нара снял с головы бейсболку и надел на меня так, чтобы козырек прикрывал лицо. Под бейсболкой он оказался лыс, как бильярдный шар, чем сильно меня удивил.

– Абсолютно с вами согласна! – кивнула гостиничная девушка и сорвала с клумбы ярко-желтый цветок. – На вашем месте я согласилась бы стать переводчицей, даже не зная языка. Пока он там разберется, что к чему... можно много успеть. – Она помахала цветочком корейскому бизнесмену.

– Бежим!! – Нара потянул меня за руку, и мы побежали к автостоянке.

Оказалось, что ездит он на старом УАЗике, в брезентовой крыше которого зияли приличные дыры.

– Как ты меня нашел? – стуча зубами от нахлынувшего вдруг озноба, спросила я Нарайяна.

– В городе есть только две гостиницы на букву «а» – выкручиваясь задним ходом из плотного ряда машин, буркнул Нара. – Раз тебя не оказалось в «Апофеозе», значит, ты перепутала и ломанулась в «Африку». Тут к гадалке не ходи. Смотрю, уже скоро пять, а тебя все еще нет. Телефон твой мобильный вне зоны связи. Значит, думаю, ты в районе фабрики мягких игрушек, тут мобильники плохо работают. Ну я и рванул в «Африку», думал, может, успею тебя в «Апофеоз» вернуть, только... – он махнул рукой, – в пробку пропал.

Меня затрясло еще сильнее, несмотря на то, что салон УАЗика был раскален нещадно палившим солнцем.

– Шеф знает?

– Пока нет, – пожал Нара плечами. – Но скоро узнает. Я думаю, он влетел на большие деньги. Тут к гадалке не ходи.

– Да пошел ты со своею гадалкой!! – Я отвернулась к окну. Злость и слезы душили меня.

Некоторое время мы ехали молча. Я понятия не имела, как выкручиваться из ситуации и что говорить Жулю. В конце концов, он сам виноват во всем. Если бы я ночью спала, а не шаталась по улице пьяная и бесконечно несчастная, голова бы моя варила значительно лучше и я не перепутала бы гостиницы. Но вряд ли Константина устроит такое объяснение. Может, продать квартиру и возместить ему материальный ущерб? Буду ютиться в однушке на окраине города... Я почувствовала себя маленькой, несчастной и одинокой.

– Аська, я вот давно хотел тебя спросить, да все не решался. – Нара замолчал, отпустил руль и начал прикуривать.

– Спрашивай, – разрешила я и придержала руль, чтобы машину не уведило в сторону. – На мне твоя куртка, твоя бейсболка, я натворила, черт знает что, поэтому так и быть – спрашивай! Отвечу как на духу.

– Почему ты работаешь в нашей гнилой конторе?

– А ты почему?

– Я понятно, почему. Зарплата царская, бесплатный доступ в Интернет, полное отсутствие работы. Что еще надо для счастья заядлому юзеру? Но ты-то, ты же бывшая Мисс Россия! У тебя же предложений должно быть выше крыши, а ты прозябаешь в конуре, где никто тебя не увидит и не оценит! – Он отобрал у меня руль, прибавил газу и выпустил вонючую струйку сигаретного дыма.

– Откуда ты знаешь, что я Мисс Россия?

– Обижаешь, Басова! Я же живу в Интернете. Нет ничего такого, чего я бы не знал, – хвастливо заявил Нара.

Я тяжело вздохнула. Я обещала быть честной, поэтому врать Нарайяну не стала.

– Меня угораздило по уши втюриться в Жуля.

Нара длинно присвистнул.

– Что-то в этом роде я и предполагал. Только должен разочаровать тебя, Басова, у шефа железное правило – никаких служебных романов. Работа отдельно, любовь отдельно. Так что если бы ты устроилась официанткой в «Три поросенка», куда он ходит обедать, у тебя было бы больше шансов завоевать его.

– После всего, что я натворила сегодня, у меня есть все шансы сменить работу. Слушай, я вот тоже все хотела тебя спросить, но никак не решалась. Нарайян – твое настоящее имя?

Ответить он не успел.

* * *

Раскрасневшийся от жары и интенсивных движений гаишник крутил жезлом, призывая поток машин проезжать дальше, не заворачивая на Патриотическую. Поворот на мою

улицу был перекрыт двумя милицейскими ГАЗиками, у которых на крыше суматошно крутились синие проблесковые маячки.

– Черт, там что-то случилось, – пробормотал Нара, проезжая по Театральной мимо нужного нам поворота. Светофор на перекрестке был выключен и мигал желтым светом.

– Аська, позвони шефу, скажи, что мы в пробке застряли, сейчас в окружную двинем и с другого конца заедем.

– Нет! Я не могу... То есть у меня и телефона-то нет, я его в сумке оставила в номере у самурая. Черт, неужели придется туда возвращаться?!

– На, – Нарайян протянул мне свой обшарпанный старый мобильник. – Звони. Не говори пока, что ты гостиницу перепутала, просто скажи, мы сейчас подъедем. Жуль в конторе сидит, ждет окончания всех сегодняшних операций.

Нара переключился на вождение – ехать в плотном потоке было чрезвычайно трудно, машины пихали друг друга полированными боками, подрезали, пытались встроиться, недовольно сигналили, сбиваясь в неконтролируемое автомобильное стадо и пытаясь занять любое на миг освободившееся пространство дороги.

Я набрала номер агентства.

– Не отвечает, – сообщила я Наре.

– Не может быть.

Я набрала еще раз.

– Не отвечает!

– Он на работе, звони!

Длинные гудки снова остались без ответа, и это обстоятельство меня встревожило.

– Не отвечает.

– Ерунда какая-то. В сортире, что ли сидит? Звони на мобильный.

Я безошибочно набрала длинную комбинацию цифр.

– Снова не отвечает.

– Аська, проверь, ты правильно набираешь номер?

– Я правильно его наберу, даже если буду в бессознательном состоянии.

– А, ну да, ты же втюренная по самое не хочу. – Он легонько треснул себя по лбу ладонью и вдруг заорал совсем не в духе отъехавшего компьютерщика: – Дозванивайся!!

С перепугу я нажала что-то не то, – не «рэдиал», а какую-то другую кнопку, – и в ухо мне весело защебетал женский голос:

– Сашка, блин, я в ванной ноги брею, вся в мыле, освобожусь, позвоню! Твой Светик целует своего Фантомасика!!

Я ошарашено посмотрела на трубку и сделала вывод, что Нарайяна все-таки зовут Саша, что он успевает уделять время не только своей черепахе, но и девушке по имени Света, которая в данный момент бреет ноги и ничуть не стесняется этого.

Мы уже сделали круг и подъехали к Патриотической с другой стороны. Но надежда заехать на улицу отсюда оказалась напрасной. Тут тоже путь перекрывали милицейские ГАЗы, сверкающие синевой заполосных мигалок. Взмокший от усердия гаишник безуспешно пытался разогнать автомобильный поток. Машины, которым непременно нужно было попасть на Патриотическую, сгрудились у обочины, образуя затор.

В воздухе стоял удушливый запах выхлопа. Солнце, несмотря на наступающий вечер, так раскалило салон, что дышать было нечем.

Константин Жуль по-прежнему не отвечал ни на мобильном, ни на рабочем.

Ехать нам больше было некуда. Нара припарковался, уткнувшись бампером в зад крутейшего «Мерседеса», выключил движок и выругался себе под нос.

– Аська, ты случаем, не слышала, может, нашу улицу посетил американский президент? Какого черта ее перекрыли?

Сердце у меня противно заныло. В моей доселе беспечной жизни ни разу не происходило так много неприятных событий сразу.

Я пожала плечами. Мы вышли из душевной машины и присоединились к группке таких же застрявших в пробке водителей и пассажиров.

– Кажись, там авария дорожно-транспортная! Кажись, трамвай с рельсов сошел, задавил пару-тройку пешеходов, вот и перекрыли, – предположил мужик в мятых брючатах, с жеваным «Беломором» в зубах.

– Не, верняк, там велосипедисты опять соревнуются! – поддержал разговор голый по пояс парень. – У нас всегда Инженерную перекрывают, когда этим чертям свой кубок разыграть негде!

– Тю! На великах там не разгонишься! – не согласился дядька в панаме с обвисшими полями и с такими же обвисшими щеками. – Наверное, все-таки, какое-то крупное ДТП.

– А может, зэки из тюрьмы сбежали? – томно спросила девушка, крутящая на пальце ключи от машины.

– А давайте у гаишников спросим! – предложил скучающей публике Нарайян.

– Тю! Умный какой! – воскликнул дядька в панаме. – Спрашивали уже! Молчат! Только палками своими полосатыми машут. Ох, опоздаю я на поминки! – дядька в панаме досадливо хлопнул себя по ляжкам. – Всю водяру без меня выхлебают. Теща у меня померла. Я на похороны не успел, а на поминки вот тороплюсь.

– Счастливчик! – хихикнул голый по пояс парень. – И выпить можно, и теща на небесах. – Разговор потихоньку уплыл в другое русло.

– Вертолет! – закричала я, показывая на небо.

Там, неуклюжей стрекозой висел вертолет. Он то снижался, то поднимался, крутясь над одной точкой, которая, как мне показалась, находилась неподалеку от моего дома.

– Я же говорю ДТП!

– Нет, точно велогонки!

– Наверное, самолет на наш квартал рухнул!

– Да нет, зэки сбежали!

– Ну померла ж, зараза, ни раньше, ни позже!!

Нарайян нахмурился, закурил, забрал у меня телефон и снова начал дозваниваться до Жуля. Я слышала, что длинные гудки остаются без ответа. Сердце противно сжала тревога.

– А давайте позвоним кому-нибудь, кто живет на этой улице! – предложила краснощечая тетка.

– Уже позвонила, – сообщила ей девушка с ключами на пальце. – Я только что позвонила своему парню, и он сказал, что Патриотическая сейчас пустая, но минут двадцать назад там была перестрелка.

– Перестрелка! – ахнула тетка.

– Перестрелка! – восхищенно воскликнул парень и заинтересованно глянул на девушку.

– Э-эх! – обреченно махнул рукой дядька, опаздывающий на поминки. – Знал бы, на похороны поехал, а теперь там ... э-эх!

Нара потянул меня за руку в сторону от толпы. Он был бледен и хмур.

– Что?! – Я затрясла его за рукав. – Что?! Ты думаешь, на нашу контору напали?! Жуля убили?!

– Да кому нужна наша контора! – отмахнулся от меня Нара. – Кому нужен наш Жуль! Только вот... – голос у него вдруг сел и стал хриплым, – шеф собирался днем в банк забежать, снять крупную сумму денег.

– Нет! – крикнула я.

– Чего ты орешь?! – Он закрыл мне ладонью рот. Ладонь пахла табаком и бензином. – Еще ничего не известно. Это я так просто... извини, если напугал. Черт, сколько же здесь проторчать придется?!

Вертолет вдруг набрал высоту и скрылся за девятиэтажкой.

– Улетел, – прошептала я.

– Радио, – вдруг сказал Нарайян. – У меня в машине есть радио! Может, в новостях что-нибудь скажут?

Мы наперегонки побежали к машине.

* * *

Прошло около десяти минут, прежде чем легкую музыку прервал голос диктора:

– А теперь новости дня. – Он долго перечислял незначительные события, пока, наконец, не сказал: – Сегодня в гостинице «Апофеоз» был застрелен криминальный авторитет Яков Подъяблонский, известный правоохранительным органам под кличкой Як. Как сообщили нам в пресс-центре УВД области, ровно в семнадцать часов по местному времени, в номере люкс раздался выстрел, который услышала горничная. Когда девушка заглянула в номер, она увидела лежащего на полу с простреленной грудью Подъяблонского. Сомнений в том, что он мертв, у горничной не возникло. Она бросилась за помощью, но когда вернулась обратно с администратором гостиницы и охраной, тела на месте не оказалось. Осмотр номера и гостиницы ничего не дал, Яков Подъяблонский бесследно исчез. Есть версия, что его убили, а потом похитили дружки, которых незадолго до этого видели на ресепшен. Когда и как они покинули гостиницу, никто не заметил. На данный момент это самое загадочное происшествие года и мы, наверняка, еще не раз вернемся к нему. А теперь о махинациях на ликероводочном заводе...

– Ну ни фиги себе! – присвистнул Нарайян. – Кажется, Аська, очень даже неплохо, что ты перепутала гостиницу! Все говорит о том, что нашего клиента прихлопнули! Неизвестно еще, что бы приключилось с тобой...

Но меня несколько не взволновала эта новость. Она не имела отношения ни к господину Жулю, ни к тому, что сейчас творилось на Патриотической.

– Где Константин?!! – От беспомощного отчаяния, я ударила кулаком по панели. Радио вдруг затарахтело, сигнал дал сбой, но Нарайян поспешно его настроил.

– ... сегодня около семнадцати часов вечера на пятнадцатом километре Андреевской трассы произошло серьезное дорожно-транспортное происшествие. Машину марки «Тойота-Креста» занесло на повороте и она на полном ходу врезалась в дерево. Водитель – молодая женщина, – не была пристегнута ремнем, вылетела в лобовое стекло и погибла на месте. Ей оказалась известная в городе певица – Милда Якушева. А теперь о погоде. В нашем городе по-прежнему жара, жара и жара!..

– Ужас, – прошептал Нарайян. – Аська, ты слышала? Кошмар! Почему она врезалась в дерево? Жуль распорядился соорудить там специальный, легкий рекламный щит, который от тычка пальца бы рухнул и не нанес никакого вреда! Куда делась ее подруга?! Их должно было быть двое в машине! Черт! Что происходит, Аська?! Наши клиенты мрут, как мухи! – Он уставился на меня.

– Ну почему, – возразила я. – Остался еще тот парень – Лавочкин. Он не попал в криминальную сводку, может, хоть с ним обошлось. – Ко мне опять привязался озноб, еще более сильный, чем предыдущий.

– Не нравится мне все это. Слушай, Аська, ты там вроде того... с Чесаловым дружишь. Случайно не знаешь телефон его кабинета?

– Случайно знаю. – Я забрала у него мобильный телефон и набрала номер Лехи.

– Стоматологический кабинет «В зуб да...» ой, «Зуб дарю!», здравствуйте! – ответил голос его помощницы. Мерный стрекот бормашины давал надежду, что все хорошо, что улицу перекрыли лишь для заезда велосипедистов.

– Марина, можно поговорить с Алексеем? Это Ася Басова, ваша соседка по офису.

Бормашина заглохла.

– Але! – громыхнул в трубке жизнерадостный голос Чесалова.

– Леш, это я, Ася! Скажи, что случилось? Почему наша улица перекрыта?! Кругом милиция, зачем-то прилетал вертолет! Тут собралась целая толпа тех, кому нужно на Патриотическую, но нас не пускают! Говорят, там была перестрелка! Что случилось, Леша, скажи!!

– Да будь оно все неладно, Аська! Тут грабанули банк!

– «Патриот»?!! – ахнула я.

– Ну не «Три поросенка» же! – загоготал Чесалов. – Натурально взяли и грабанули! У них ровно в пять каждый день приезжает инкассаторская машина. Бабульки наши, которые возле дома на лавке сидят, рассказывают, что клоун наш местный, Бубон, кажется, как раз проезжал мимо, когда деньги грузили. Этот чудик вдруг выхватил автомат, расстрелял охрану, шофера, схватил деньги и умчался куда-то на своем быстром коне. Представляешь? Голливуд отдыхает. Он дворами ушел. Ментов понаехала тьма. Сейчас прочесывают весь квартал. Даже с вертолета искали, но, говорят, бесполезно! Нет, ну каков шельмец, Аська?! Шариками обвешается и детишек катает! А сам, оказывается, приглядывался, когда и как в банке деньги увозят! А главное, ведь я пострадал! У меня с клиентами жопа! Никто приехать не может. Я бормашиной себе сливки для кофе взбиваю...

– Не может быть, – прошептала я.

– Почему? Очень даже пышноенько получается, только останавливаться нельзя.

– Не может быть, что это Бубон...

– Что?! – крикнул Леха и опять зажужжал бормашиной. – Говори громче, Ася, я не могу прервать процесс взбивания сливок, они опадают!!

– Леш, я не могу дозвониться до шефа! Я... мы с Нарой сходим с ума от беспокойства! Сходи, пожалуйста, посмотри!

– Ой, Аська, – вдруг выключил бормашину Чесалов, – а ведь шеф ваш, того... в банк уходил, я видел. И не вернулся до сих пор. Как бы не зацепило там его...

В трубке повисла тягостная тишина.

– Леш, пожалуйста, проверь, посмотри, узнай!

Я заплакала.

– Там все оцеплено, Аська. И никого не пускают. Из окна я вижу парочку «Скорых», десяток милицейских машин и...

Я нажала отбой.

– Что? – спросил Нара тревожно. Пот тек с его абсолютно лысого черепа, капал с подбородка. Он утерся подолом рубашки. – Что там, Аська?!

– Там все неправда. Бубон расстрелял охрану и ограбил инкассаторскую машину. Чесалов говорит, что в это время Константин был около банка и, вполне возможно, его зацепило. Это неправда! – Я зарыдала в голос.

– Ну ладно, ладно, – Нара приобнял меня и погладил по плечу. – Может, еще и обойдется, ведь мы точно ничего не знаем!

– Бубон не мог никого расстрелять, не мог никого ограбить! Его Корчагин стар, как древнее ископаемое, он не мог ускакать дворами! – Я захлебывалась слезами.

Это было первое в моей жизни горе, если не считать смерти бабушки. И я еще не знала его размеров. Я потеряла любимого человека? Пережила предательство старого, любимого с детства клоуна, который был олицетворением добра, веселья и бескорыстия? Или все это вместе?!

«А счастье, Аська, это то, чего нет. Мираж! Нет ничего притягательнее миража. Нет ничего желаннее...»

Нарайян гладил меня по плечам, по голове, утирал слезы руками, пахнущими табаком и бензином, и приговаривал:

– Ничего еще не известно, Ася, ну потерпи, может, он еще жив, твой Жуль!

«... И если бы не было этого миража, мир бы замер и умер. Потому что не к чему бы было идти».

– Это не Бубон!!

– Да не он, не он, – сочувственно подтвердил Нара.

Неожиданно в моей руке запиликал мобильный.

– На, – протянула я Наре трубку. – Это твоя Светка.

Нарайян уставился на дисплей.

– Нет. Это Константин Жуль! А откуда ты знаешь про Светку?

Я выхватила у него трубку.

– Костя! – заорала я так, что Нара поморщился. – Костя ты жив?!!

– С каких это пор, Нара, я стал для тебя Костей? – хрипло спросил на том конце Жуль.

– Это я, Ася!! Это я, Константин Эдуардович!

– А-а, Басова! Вообще-то, я звоню Нарайяну, но это неважно. Ась, я попал в переделку...

– Знаю! «Патриот» ограбили!

– Ну да. А я в этот момент выходил из банка. Ась, ты не могла бы позвонить спасателям, чтобы меня сняли?

– Что значит «сняли», Константин Эдуардович? Почему вы не отвечали?!! Я звонила, я чуть с ума не сошла!

– Не ори, Басова. Пожалуйста, не ори. Я только сейчас смог устроиться на ветке так, чтобы взять телефон.

– Где вы устроились?

– На ветке. Дело в том, Басова, что я сижу на высоком-высоком дереве. Тут даже гнездо есть и облака рядом. По-видимому, в гнезде находятся яйца, потому что меня время от времени атакует какая-то пернатая сволочь. Она гадит на меня и клюет. Клюет и гадит. Ась, пожалуйста, позвони спасателям, скажи, что в районе ограбления банка на тополе сидит человек и не может слезть. Асечка, ты хорошая секретарша, позвони, а то у меня телефон сейчас сдохнет, а ветка, на которой я сижу, гнилая, она скоро обломится и я... Ася!!! Она опять прилетела!

Связь оборвалась.

– Ну что? – опять спросил Нарайян.

– Он сидит на гнилом тополе и на него нападает какая-то птица. Просит вызвать спасателей, у него телефон разрядился.

Нара захохотал. Он всхлипывал, корчился, хватался за живот и захлебывался.

– На гнилом тополе! Ха-ха-ха!! Нападает птица!! Ха-ха!! Дипломат с баблом в зубах держит и от вороны отмахивается! И-и-ха-ха!! Телефон у него разрядился! У-у-у!! Спасателей ему вызвать!!!

Это смахивало на форменную истерику, поэтому я достала из бардачка бутылку с минеральной водой и вылила ее прямо на лысую голову нашего программиста. Он сразу заткнулся, утер ладонью лицо и взял у меня телефон.

– А теперь спортивный выпуск наших городских новостей! – заорало вдруг радио. – Сенсация!!! Показательный бой звезд кикбоксинга, проходивший сегодня в нашем городе, выиграл наш земляк Сергей «Щит» Дьяченко!! Он сделал это!! Он выиграл у непревзойденного, непобедимого, легендарного Джерри «Зверя» Каннигана!! Это невероятно! Во Дворце спорта буря и шквал!!

– Ну вот, и это дело мы провалили, – пробормотала я. – Ведь Лавочкин собирался праздновать победу американца. Он даже автограф приготовился у него брать.

Но Нара меня не слышал, он уже что-то объяснял службе ноль-ноль один.

* * *

– Я вам десятый раз объясняю! Я был на де-ре-ве!! – кричал Жуль на круглолицего, румяного мужичка в синем мундире с прокурорскими погонами. Несмотря на жару, шея прокурорского работника была обмотана шерстяным, болотного цвета шарфом, а короткопалые ручки обтягивали такого же цвета матерчатые перчатки. Мужичок безмерно страдал от непонятного недуга – он беспрестанно сморкался, чихал, тер слезящиеся глаза и недоверчиво поглядывал на Константина Жуля.

– Ну вот, я же доказательство вам предъявляю! На меня птица накакала! – Жуль сдернул со спинки стула пиджак и потряс перед носом у следователя тем местом, которое больше всего было испачкано птичьим пометом.

Следователь дернулся от пиджака назад, чихнул, залился аллергическими слезами и несчастным, гнусавым голосом попросил:

– Умоляю, уберите, уберите от меня ваш пиджак! У меня аллергия на лето, на тополя, на птичьи какашки, на пиджаки и на бестолковых свидетелей! – Он ловко выхватил из кармана бумажный платок, утер им нос, скомкал и запульнул влажный комок в мусорную корзину. Она была уже доверху заполнена этими скомканными платками и вызывала у меня невероятное чувство брезгливости.

– Я же вас спрашиваю, не где вы сидели, а что видели и слышали. Или вы ничего не видели? – он подозрительно уставился на Жуля воспаленными глазами.

– Нет, ну почему же не видел, – развел Константин руками и тоже с отвращением посмотрел на корзину. – Я же уже рассказывал вам! Я машину собрался еще одну покупать. Джип. Снял деньги в банке, положил в дипломат, вышел, вижу – у служебного входа инкассаторская машина стоит. А мимо клоун в повозке проезжает. Он всегда тут туда-сюда ездит – достопримечательность местная, на него уж и внимания никто особо не обращает. Так вот, вдруг этот клоун тормозит своего коня, выхватывает автомат и начинается голливудское кино. Он очередями укладывает трех охранников, инкассатора и шофера, хватает брезентовый мешок с деньгами и ... дальше не видел. Извините, господин следователь, но я не стал искушать судьбу. Не помню сам, как оказался на вершине ближайшего тополя вместе с дипломатом. Вот, у меня доказательство, – он снова потряс пиджаком, следователь снова чихнул и замахал на Жуля руками, призывая убрать доказательство.

– А потом меня спасатели сняли по пожарной лестнице, – завершил свой рассказ Жуль, засовывая пиджак почему-то за штору, на подоконник. Шеф устало опустил в кресло и тоскливо посмотрел за окно, где уже занимался ранний летний рассвет.

Следователь мучил нас расспросами с вечера, как только сняли оцепление и мы смогли добраться до офиса. Все устали, измучились, но дотошный прокурорский работник, представившийся Тимофеем Федоровичем Педоренко, никак не хотел нас отпускать. Мы сидели в кабинете шефа, и никакой кофе уже не мог нас реанимировать. Нара сидел на подоконнике, жевал жвачку и слушал Б.Г. Как только Нарайян понял, что из сегодняшней переделки все вышли живыми и невредимыми, он сразу успокоился и стал прежним – отрешенным и возвышенным над действительностью.

Я устроилась в кожаном кресле, предназначенном для клиентов, и тихонько пощипывала себя за мизинец, чтобы не заснуть.

Наконец, Педоренко встал. Мы решили, что расспросы закончены и с облегчением переглянулись. Но оказалось, что у следователя всего лишь кончились одноразовые платки, и он полез за ними в потрепанный рыжий портфель.

– А вот что это за агентство у вас такое странное «Алиби», позвольте узнать? Уж не преступникам ли вы тут помогаете?

Последующие полчаса мы с Жулем наперебой объясняли ему невинные и благородные цели своей работы. Нара молчал, многозначительно покачиваясь в такт музыки.

– И кто же ваши клиенты? – прервал следователь наш бурный рассказ.

Это был самый неприятный вопрос в свете последних событий.

Два клиента из трех были мертвы, а третий... третий, я думаю, был очень разочарован, так как его кумир проиграл.

– Видите ли, – осторожно начал Константин Жуль, – в наших правилах соблюдать конфиденциальность наших клиентов...

– Уверяю вас, ваши правила ни в коем случае не могут распространяться на правоохранительные органы, а-а-апчхи! – горячо заверил его Педоренко. – А-апчхи, будьте здоровы, Тимофей Федорович, не болейте! – добавил он.

– Знаете, у нас очень долгое время вовсе не было никаких клиентов, – пробормотал Жуль.

– Долго не было, а потом... – подбодрил его Тимофей Федорович.

– А потом... появились. Сразу три.

Нара вдруг вынул наушник из уха и помог шефу внятно изложить, чем занималось агентство в последнее время.

Педоренко слушал внимательно, не чихнув ни разу.

– Значит, – сказал он, – всем трем вашим клиентам понадобилось алиби именно на пять часов вечера пятнадцатого июня?

– Но какое это имеет отношение к ограблению банка? – заорал Жуль. – Я сам видел, как инкассаторов расстреливал этот... Ась, ты знаешь, как зовут этого ряженого?!

– Бубон, – выдавила я из себя. – Но я не верю, что это был он!

– Вот! – радостно завопил Педоренко. – Вот именно, – а-апчхи! – что под гримом и яркими тряпками клоуна мог скрываться кто угодно! А вы усиленно готовили алиби аж трем гражданам этого города! А в мешке было ни много, ни мало десять миллионов рублей! А по моим сведениям, никто толком не знает, кем был этот Бубон, как выглядел, сколько ему было лет! Такое ограбление не мог проверить один человек, у него наверняка были сообщники! Иначе куда среди бела дня делась яркая приметная повозка?! А конь? Это ж даже не машина, ему трудно затеряться в автомобильном потоке! А-апчхи! Чертово лето! Чертовы тополя!

– Не хотели вам говорить, да ладно, все равно ведь узнаете. Видите ли, – с усмешкой сказал Нарайян, – наши клиенты не могли грабить банк по двум причинам. Двое из них мертвы, а третий – ни на что не годный subtilный мальчик.

– В смысле? – оживился Педоренко. – Что значит, апчхи, мертвы? Что значит, апчхи, ни на что не годный мальчик? Да будьте же, наконец, вы здоровы, Тимофей Федорович! – заорал он сам на себя.

– Первым клиентом оказался криминальный авторитет Яков Подъяблонский. Его застрелили сегодня в гостинице «Апофеоз», куда наша сотрудница, обеспечивающая ему алиби, по досадному недоразумению не успела доехать. Тело, правда, исчезло, но это ничего не меняет. Горничная видела, что у него прострелено сердце. Вторая наша клиентка – известная в городе певица Милда Якушева. Она... – Нарайян быстро глянул на Жуля, – Извините, Константин Эдуардович, я не успел вам сказать, но произошла какая-то чудовищная накладка и Милда Сергеевна врезалась не в наш щит, а ...

– Да знаю, – махнул Жуль рукой. – Мне позвонили ребята со «Скорой», которая должна была увезти Милду в клинику пластической хирургии. Я знаю, она не рассчитала, врезалась в дерево и погибла. Я готов понести за это наказание, если оно мне положено.

Жуль сказал это буднично, не дрогнув ни голосом, ни одной мышцей лица. Еще прошлой ночью он напивался с горя, что Милда его отшила, а сегодня спокойно говорит о том, что она погибла! Я смотрела на него во все глаза.

– Третий клиент, которому понадобилось алиби на пять часов дня, это глупый пацан, запутавшийся в своих бабах, – спокойно продолжил Константин Жуль. – Уверю вас, он никоим образом не мог быть сообщником ограбления! Кстати, я не могу до него дозвониться, – пробормотал он, – надеюсь, парень не повесился с горя, что его кумир проиграл. Но в том, как закончился поединок, я уж точно не виноват! – горестно добавил Константин.

– Господи, сколько работы! – схватился за голову Тимофей Педоренко. – Ужас! А-апчхи! – Видно, платки у него и в портфеле закончились, потому что он утерся концом шерстяного шарфа.

– Да что вы выдумываете! – заорал вдруг Константин Жуль на следователя и, вскочив, забежал по кабинету. – Я сам лично видел, что банк грабил этот... Бим... Бом...

– Бубон, – подсказал я.

– Ну да, ряженный расстреливал охрану один!! С чего вы взяли, что у него были сообщники?! И почему именно из моих клиентов?! Не было никого! Я сам видел! Был только ряженный и его конь! Ищите повозку! Трудно было не заметить, куда они рванули! Свидетелей должна быть куча!! Ищите! А я и моя работа тут ни при чем!

– Ой, ой, ой! Все, устал я, запутался, до свидания!! Буду вас повестками вызывать, если понадобится. – Педоренко подхватил свой портфель, вылетел из кабинета и хлопнул входной дверью. – А-апчхи! – раздалось уже из подъезда.

– Чтоб тебе, Тимофей Федорович, тополиный пух в морду всю жизнь летел, – пробормотал Жуль, опять усаживаясь в свое кресло.

Мы сидели друг против друга усталые, ошарашенные и немного напуганные внезапным уходом следователя.

– Ну, вот что, друзья, – сказал, наконец, Константин, – не знаю, что там накопает этот сопливый придурок, но мы должны опередить его. Иначе, это черт знает чем может для нас закончиться.

– Мне предлагается поработать сыщиком? – язвительно поинтересовался Нара.

– Ты можешь уволиться, – отрезал Константин Жуль. – И ты тоже, – он посмотрел на меня воспаленными, красными от бессонной ночи глазами. – Ситуация неприятная и я пойму, если вы не захотите быть в ней замешанными.

– Мы уже в ней замешаны, – я одернула на себе куртку Нары. – Настолько замешаны, что я осталась без любимой сумки, топика, мобильного и босоножек, за которые отвалила двести пятьдесят долларов. Так что, до завтра, Константин Эдуардович! Я согласна работать на вас даже сыщиком. Нара, куртку я тебе завтра верну! – Я встала и направилась к двери.

– А я разве сказал, что отказываюсь? – возмутился Нарайян. – Да я за любимую контору...!! – Он побоксировал воздух.

– Спасибо, ребята, – растрогался Жуль. – Я вам так благодарен! Ась, давай, я до дома тебя довезу, ведь ты босиком...

Нарайян многозначительно хмыкнул и ушел в свой кабинет кемарить да утра на диванчике.

* * *

Жуль не просто довез меня до дома. С моего молчаливого согласия мы кружили с ним по маршруту, которым вчера ночью нас с Бубоном возил Корчагин. Я думала, шеф хочет со мной о чем-то поговорить, но он молчал, и я тоже молчала. Хотя я и бесконечно устала, все равно не могла нарадоваться, что нахожусь с ним рядом, наедине, в тесном купе его спортивной машины.

Наконец, он затормозил у моего дома.

– Ты знаешь, я знаю, нет, я абсолютно точно уверена, что Бубон не мог...

– Иди спать, Ася, – оборвал меня Константин. – Голова трещит от всего этого. Завтра будем решать, что делать, а пока – спать! – Он помахал мне рукой.

Я вышла, но вдруг вернулась и наклонилась к окну.

– Костя, Милда разбилась! Тебе не больно? Не страшно? Ты так спокоен... А говорил, что любишь ее.

Он не удивился моему глупому пафосу и напору. Пожав плечами, ответил:

– Не знаю, Ась. Я ничего не чувствую. Все это будто не со мной происходит. Может быть, завтра я проснусь, и у меня отчаянно заболит сердце, а сейчас... – Он снова пожал плечами и опять помахал мне рукой.

Я пошла к подъезду, ощущая босыми ногами еще не остывший после дневного зноя асфальт.

...Сквозь сон я слышала, как рояль играл что-то печальное. Мне снилось, что бабка сошла с афиши и, дирижируя перед роялем, одними губами шепчет: «Пьяно, пьяно! Асечка спит! Пожалуйста, пьяно!!..»³

* * *

Ранним утром меня разбудил звонок. Плохо соображая, я пошла открывать. Не глянув в глазок, распахнула дверь. На пороге стоял респектабельный, гладковыбритый господин в хорошем костюме.

– Вы Ася Борисовна Басова? – вязким басом поинтересовался он, разглядывая меня с головы до ног.

– Да. Это я.

– Тогда это вам. – Он протянул мне пакет.

Я заглянула в него, там оказались вещи, оставленные мной вчера в номере богатенького корейца: босоножки, сумка, розовый топик, мобильник.

– Спасибо, – пробормотала я. – Очень любезно со стороны вашего южнокорейского друга...

– Хен Ён Хо просил вам передать эти вещи, и еще вот это! – Мужик сунул мне в руку бархатную коробочку.

Насколько я знаю, в таких дарят ювелирные украшения.

– Откуда Хен знает мой адрес?

– Ну, во-первых, – самодовольно сказал господин в хорошем костюме, – нет ничего, чего Хен Ён Хо не смог бы узнать, а во-вторых, в вашей сумке оказался ваш паспорт, а там, сами понимаете...

– Мне не нужно ничего, кроме моих вещей, – я сунула коробочку в карман его пиджака.

³ Пьяно – разг. от Пиано (итальянское *piano*, буквально – тихо).

– Берите, берите! Все девушки этого города душу продадут за такое колечко!

Коробка опять оказалась в моих руках.

– Заберите! – Я снова впихнула коробку мужику в карман.

– Нет уж, возьмите! И хорошенько подумайте над предложением Хен Ён Хона стать его переводчицей!

– Вы в своем уме?! Я педагог по образованию!

– Это неважно. Хен Ён Хон хочет видеть в качестве своей переводчицы вас и только вас!

– Я не знаю корейского языка!! – заорала я.

– А оно ему надо? То есть, я хотел сказать, что это вовсе необязательно – знать корейский язык. Кто его знает-то? Я научу вас паре-тройке простых выражений: здравствуйте, до свидания, очень приятно, всего доброго...

– Вот сами и переводите! – Я попыталась захлопнуть дверь, но гонец подставил ногу и горячо зашептал в образовавшуюся щель:

– Я бы и переводил, но господин Хен хочет вас!

– Вот именно – хочет! – зло прошептала я в его холеную рожу.

– Все девушки этого города гордились бы этим!

– Да идите вы со своими девушками! Я не все!

– Нет, вы не понимаете...

– Все я очень хорошо понимаю!

– Нет, ничего вы не понимаете! Эта желторылая обезьяна уволит меня к чертовой матери, если я не уговорю вас! А у меня мама, жена, двое детей, дедушка-инвалид и любимая девушка!

– А-а! – Я захохотала. – Так вот в чем причина вашего рвения! Вы боитесь потерять тепленькое местечко!

– Боюсь! И не стыжусь этого! У меня ведь нет таких синих глазок, розовых губок, и тощеньких ножек!! Заберите! Заберите немедленно! – К моим ногам упала коробочка из черного бархата. Я выпнула коробку в подъезд и снова подналегла на дверь. Мне почти удалось закрыть ее, мешала только розовощекая морда, торчавшая у косяка. Придавить ее у меня не хватало духа.

– Господи! Ну, возьмите вы это кольцо! Ну что вам стоит?! Возьмите и скажите «Подумаю!»

Он точным пинком отфутболил коробку в квартиру.

– Я не продаюсь! – с пошлым пафосом выкрикнула я.

– Если честно, то я не понимаю, что эта желторы... этот Хен нашел в вас! Ни рожи, ни кожи. – Он убрал ногу, дверь закрылась, коробка осталась в квартире.

– Я передам Хен Ён Хону, что вы рассматриваете его предложение! – крикнул гонец.

– Передайте ему, чтобы он на шел в... к... на... – У меня еще не было в жизни столь настоящей потребности послать кого-нибудь, я не знала, как это делается, поэтому целомудренно замолчала.

– Ну, это вы ему сами скажите! А я умываю руки! – проорал из-за двери гонец.

– Имейте в виду, я выброшу его подарок в окно! – крикнула я, но в ответ услышала только удаляющиеся шаги.

– Вот вляпалась! – самой себе прокомментировала я утреннюю заварушку и подняла коробочку.

На черном бархате лежало кольцо из белого золота с безвкусно большим бриллиантом. Утреннее солнце, атаковавшее окна, распускалось в нем миллионом огней – холодных, надменных, опасных.

Выбрасывать кольцо в окно расхотелось, я надела его на палец, пошла в гостиную и показала бабке.

– Бабуль, говорят, у меня ни рожи, ни кожи, – пожаловалась я ей.

Бабка, никак не отреагировав на мое обращение, с портретной надменностью смотрела куда-то мимо меня.

– Ну и ладно, – обиделась я. – Не хочешь общаться со мной и не надо!

* * *

По Жулю было не видно, что с утра у него отчаянно болело сердце... Он выглядел выпавшимся и свежим.

Мы закрыли контору на ключ и собрались в кабинете шефа на совещание.

– Значит так, я займусь Милдой, – сказал Константин, закуривая. – Попытаюсь досконально восстановить картину происшествия, опрошу возможных очевидцев, поговорю с коллегами, подругами, журналистами, расспрошу наших ребят, которые устанавливали щит и поджидали ее неподалеку от места происшествия. В общем, выясню всю подноготную и попытаюсь узнать, куда делась подруга, которая должна была находиться с ней рядом в машине. Да, и поговорю с участниками вечеринки, на которую они спешили. Ты, Нарайян, поедешь в гостиницу «Апофеоз» и, используя все свое невероятное обаяние, расспросишь горничных, охрану, администратора и всех, кого сочтешь нужным об убийстве этого Ебл... Ибл...

– Подъяблонского, – подсказала я.

– Да. Только жвачку выплюнь и наушники из ушей достань. А ты, Ася, займись Лавочкиным. Это на данный момент самый бесппроблемный клиент. Вот тебе его визитка, он работает массажистом в фитнес-клубе «Атлант». Только не перепутай – «Ат-лант»! Узнай где он и что с ним. Он как в воду канул! Сам не объявляется, на звонки не отвечает и даже смонтированные фото у постели умирающей мамы не забрал у Нарайяна. На работе говорят, что он давно не появлялся, даже грозятся уволить. Что-то мне это не нравится. Разузнай все, что сможешь, если надо, найди этих его Наташек и Дашек. Нужно убедиться, что хотя бы с ним все в порядке. Пока этот Пудо... Пидо...

– Педоренко, – опять подсказала я.

– Тьфу, да что за фамилии у людей! Да, пока этот следователь, не накопает что-нибудь лишнее раньше нас. Мы должны разобраться в ситуации первыми. Почему он считает, что наши клиенты и ограбление как-то связаны?! Надо разбить его версию в пух и прах! Ну все, по коням! Встретимся завтра, здесь, в это же время. – Жуль встал, давая понять, что совещание наше закончено.

Я еще раз внимательно на него посмотрела, но не увидела никаких следов душевных страданий. Рубашка хрустящей свежести, выбритые гладкие щеки, хорошо причесанные волосы, привычный, ненавязчивый запах парфюма и глаза – веселые, зеленые, манящие к далеким, заманчивым путешествиям.

Мой Трубадур. Собака, осел, петух, повозка и я, твоя Трубадурочка...

* * *

Было одно дело, которое я собиралась сделать самостоятельно, без распоряжений Константина Жуля. Прежде чем заниматься сердечными делами Лавочкина, я решила попытаться найти Бубона и поговорить с ним. Идея, конечно, была бредовая, учитывая, что вся милиция в городе охотилась на него, но почему-то у меня зародилась надежда, что я найду клоуна первой. Ведь меня ему не надо бояться. Может, он оставил в своем жилище какой-

нибудь знак, который пойму только я? Может, найду Корчагина? Или повозку. А в ней мешок с десятью миллионами рублей. Может, все это была шутка, охранники живы, деньги фальшивые, а в нашем городе просто снимают какое-нибудь реалити-шоу под названием «Голливуд отдыхает»?.. В общем, бредовые мысли роились в моей блондинистой голове, но я твердо решила навеститься в гости к Бубону. Загвоздка была в одном – я не знала, где он живет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.